

A hand holds a clapperboard in a film set environment. The background is a warm, orange-red gradient with silhouettes of studio lights and a hand reaching towards the clapperboard. The clapperboard has a black and white striped top edge and contains the text: "Эммануил Тафель", "ЛЮБОВЬ", and "ЗА КАДРОМ".

Эммануил Тафель

**ЛЮБОВЬ
ЗА КАДРОМ**

Эммануил Тафель

Любовь за кадром

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4911579

Любовь за кадром: Accent Graphics Communications; Montreal; 2012

ISBN 978-1-301-82471-7

Аннотация

В книге отражена жизнь людей, которые делают кино, но лиц которых зрители, чаще всего, не видят. Люди это всегда – люди, независимо от специальности, профессии или внешности. Перед читателем проходят дни жизни кинооператора Васильева, молодой актрисы и певицы Наташи, их товарищей по общей работе: режиссера Светланова, директора картины Юрия Анатольевича, художника Бориса, помощника режиссера Тани и множества других персонажей, связывающих повествование и судьбу главных героев в единую мозаику.

В книге живо описаны моменты обучения в театральном институте, сложные рабочие будни и веселые праздничные часы съемочной группы, профессиональные и личные отношения между коллегами и соратниками, сцены работы над фильмом и жизнь за кулисами концертного зала, незабываемые минуты жизни на съемках в павильонах, на натуре, в операционной или в экспедиции; съемки дублей и эпизодов, секреты и нюансы, препитии жизни героев и тонкие нюансы их существования,

лирические сцены и захватывающие “кадры” жизни съемочной группы в Крыму и похищения героини керчинскими бандитами. Река позитива струится сквозь повествование и обрушится ли в конце водопадом счастливого финала, – об этом узнает только благодарный читатель.

Содержание

Глава первая С чего всё началось	5
Глава вторая Павильон	29
Глава третья Дочь	76
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Эммануил Тафель

Любовь за кадром

Моим дочерям Кате и Анне посвящаю

Глава первая С чего всё началось

В январе стало холодно, ударили двадцатиградусные морозы и солнце редко пробивалось сквозь плотные тучи.

По скользкому шоссе, надрывно ревя моторами, к воротам центрального стадиона медленно продвигалась вереница мощных грузовиков. Миновав трибуны, машины остановились у ледяной полосы катка, залитой вокруг футбольного поля.

Рабочие, не торопясь и покрикивая друг на друга, вытащили из кузова несколько больших, ещё в снегу ёлок, а затем стали выгружать коробки с ёлочными украшениями, гирлянды разноцветных ламп, хлопушки, конфетти, бенгальские огни и пиротехнику.

Привлечённые необычным скоплением машин и суетой множества посторонних людей, к месту работы стали подходить сотрудники стадиона, спортсмены-конькобежцы и просто любопытные, в надежде узнать, что происходит на катке.

У входа на стадион остановился большой автобус, из ко-

торого, торопясь, высыпали парни и девушки в спортивных костюмах с коньками в руках. Вслед за автобусом, у стадиона затормозил грузовик, из кузова которого рабочие, под руководством бригадира Егорыча стали быстро разгружать осветительные приборы, расставляя их вдоль кромки льда, по которому уже начали кататься фигуристы.

К тому моменту, когда в ворота стадиона въехал большой, серый джип, подготовительные работы были завершены. Режиссёр Владимир Светланов, выйдя из машины, окинул быстрым взглядом съёмочную площадку и направился к тому месту, где, по распоряжению оператора, механики укладывали рельсовую панораму. Здесь предполагалось установить съёмочную камеру.

Обсудив со вторым режиссёром Петром Свиридовым важные моменты предстоящей съёмки и, узнав у своей помощницы Татьяны Переверзевой метраж первого кадра, Светланов с волнением взглянул на часы: скоро уже двенадцать, а актриса всё ещё не было.

– Почему Васильевой до сих пор нет на месте? – громко спросил он второго режиссёра.

– Машина была послана вовремя, – пожал плечами, ответил Свиридов. – Наташа очевидно задержалась дома.

– Мы должны снять сегодня весь намеченный метраж. Завтра обещают потепление и всё начнёт таять, – несмотря на то, что Светланов говорил спокойно, было заметно как он волнуется. – Пётр, позвони ей пожалуйста и скажи, что если

она ещё раз опоздает, то затраты на съёмку будут вычитаться из её гонорара.

Второй режиссёр кивнул и сразу же пошёл к автобусу, а в это время вспыхнули осветительные приборы и оператор Виноградов подошёл к съёмочной площадке. Режиссёр поздоровался с ним и спросил всё ли готово к съёмке.

– Почти всё, – уверенно ответил Виноградов. – Если выйдет солнце, то кадр станет ещё интересней.

Постепенно разворачивалось актёрское действие: по ледяному настилу катка скользили конькобежцы, бойкие продавщицы в костюмах снегурочек торговали ёлочными украшениями, красноносые Деда Морозы предлагали на выбор яблоки и апельсины, а красавицы ёлки празднично светились гирляндами разноцветных лампочек. В этой весёлой неразберихе, среди улыбок девушек и громкого смеха ребят, осторожно проталкиваясь сквозь толпу, пробирался полный, неуклюжий человек, одетый в тёмно-серое пальто и зимнюю шапку. За ним двигалась по рельсам съёмочная камера, а вокруг работала массовка.

Закончив первую репетицию и, похвалив актёров, Светланов отошёл от киноаппарата. В это время в ворота Центрального стадиона быстро въехал микроавтобус и, проскочив стоянку грузовых машин, резко затормозил у съёмочной площадки.

Из автобуса, робко оглядываясь по сторонам, вышла девушка в длинном красном пальто. Это была Наташа Васи-

льева, студентка актёрского факультета института кинематографии, получившая, по счастливой случайности, главную роль в этом большом, претендующем на зрительский успех, фильме.

К Наташе сразу же подошла костюмер картины Светлана Красавкина.

– Быстро беги в автобус переодеваться, – громко сказала она, – а не то режиссёр тебя живьём съест и даже косточек не оставит.

– Уже иду, – бросила на ходу Наташа. – Только бы на глаза Светланову не попасться!

Наташа понимала, что когда она наденет красивый костюм, подведёт гримом глаза и приведёт себя в порядок, то режиссёр кричать на нее не станет.

Она надеялась на своё обаяние и делала всёвозможное, чтобы вовремя приехать на съёмку. Но не её вина, что вчера поздно вечером прилетели в Москву родители и долго потом рассказывали о своей заграничной поездке. Уснуть ей удалось только в час ночи.

Поэтому Наташа проспала сегодня, но все же, приняв душ, она приготовила завтрак. Поесть ей тоже нормально не удалось, так как в это время внизу, у подъезда раздался настойчивый сигнал микроавтобуса, присланного за ней со студии. Быстро доедая бутерброд с колбасой, обжигаясь горячим чаем, Наташа встревожено поглядывала в окно, видя как нетерпеливо прохаживается возле своей машины води-

тель Серёжа.

Не тревожа спящих родителей, она тихо вышла из квартиры, спустилась на лифте вниз и, поздоровавшись с водителем, села в автобус. Через тридцать минут они приехали на стадион, где сегодня была назначена съёмка. Переодевание и грим заняли полчаса и вот Наташа появилась на площадке в светло-синем модном пальто и белой песцовой шапке. В руках она держала красивую пушистую муфту, а на ногах были одеты модные сапожки на высоком каблучке.

Большими, испуганными глазами актриса боязливо высматривала в толпе режиссёра и, когда он подошёл к ней, Наташа первой, боясь, что её опередят торопливо заговорила:

– Владимир Сергеевич, простите меня пожалуйста, но поверьте, что у меня были веские причины.

– Во-первых, здравствуй, моя лучшая актриса, – добродушно начал Светланов, пожимая Наташе руку. – Ты, как всегда, не опаздываешь, а задерживаешься! Ну да простим тебе это по молодости лет. Во-вторых, я бы хотел тебе напомнить, что сегодня у нас очень очень важный день. Нам надо многое сделать и хорошо снять, так как завтра ожидается плохая погода.

Режиссёр подвёл актрису к камере.

– Содержание кадра ты знаешь, сценарный текст, я надеюсь, выучила и поэтому веди себя в кадре естественно, как в жизни. Я не требую от тебя никаких выкрутасов и самолюбования. – Светланов ещё раз оглядел Наташу и коротко

бросил:

– Вперёд!

Наташа вышла на съёмочную площадку и почувствовала себя спокойнее.

Она улыбнулась, вспомнив, что скоро наступит весёлый праздник Нового Года и дома за праздничным столом её будут ждать родители и друзья. Под весёлые смешные тосты будет пениться в бокалах шампанское, нарядная, зелёная елка вся украшенная шарами и гирляндами, будет сверкать как на рекламе.

А сейчас она немного отдохнёт, подышит свежим, морозным воздухом, купит душистые апельсины у весёлого Деда Мороза, примет от незнакомого человека букетик цветов и, спокойно улыбаясь, пройдёт вдоль заснеженного катка.

– Стоп! – громко сказал режиссёр. – Первый дубль снят, приготовиться ко второму.

Только после этого Наташа смогла оглядеться и заметила пустые скамейки стадиона, занесённого толстым слоем снега, всё возраставшую толпу любопытных, которую с трудом сдерживали, одетые в полушубки милиционеры. Наташа профессионально отыграла все три дубля, но при этом она чувствовала, что лучшим был всё-таки первый. И только после того, как съёмка была закончена и погасли огни прожекторов, она почувствовала, что ужасно замёрзла.

Подойдя к микроавтобусу, Наташа забралась в его тёплую кабину, взяла из рук Красавкиной чашку горячего кофе и

попыталась проанализировать, только что снятый кадр.

«Играла я, вроде бы, естественно, – подумала она. – Режиссёр почти не делал замечаний, вот только оператор что-то кричал после съёмки второго дубля»

В это время открылась дверь и в микроавтобус протиснулся оператор картины Александр Виноградов. В тёплой шубе, валенках и меховой шапке он напоминал большого, лохматого медведя.

– Наташа, ну как вы? Очень замёрзли? – спросил он.

– Да не так, чтобы очень, – ответила Васильева, продолжая неторопливо пить кофе.

– Сейчас мы снимем актёров массовки, затем общий план стадиона и на сегодня всё, – сказал Виноградов, как бы не замечая холодного тона актрисы. – У меня к вам просьба, Наташа. Можете вы подождать меня сегодня после съёмки? Я на машине и мы могли бы заехать по дороге в кафе, отдохнуть и поговорить.

Костюмер картины Красавкина многозначительно переглянулась с гримёром Инной Михайловной и, не сказав ни слова, вышла из автобуса.

– Хорошо, – после паузы ответила Наташа. – Я сегодня не очень спешу, но мне ещё со Светлановым кое-что обсудить надо.

После окончания съёмок, когда актёров массовки повезли на студию, а ассистенты и механики укладывали в камервагене аппаратуру, Виноградов усадил Наташу в машину. Он

вёл «Ниссан» легко, одной рукой, на скорости проходил повороты и обгонял тяжёлые грузовики.

– Осторожно, – робко попросила Наташа. – Сейчас скользко, а мне ещё в этой картине сняться надо, потом закончить институт, да и человека хорошего встретить не мешало бы.

Оператор с удивлением посмотрел на актрису. От этой замкнутой, красивой и, казалось бы, недоступной девушки трудно было ожидать подобных слов.

– Я не понимаю о ком вы говорите, о себе или о человеке, встретить которого вам ещё предстоит?

– Сбавьте скорость, пожалуйста, и смотрите вперёд, – уже настойчивее сказала Наташа. – Сейчас много аварий на дорогах и я не хочу, чтобы мы попали в подобное приключение. – И как бы стараясь утвердить свою мысль, она добавила: – Недаром же многие автолюбители паркуют машины на всю зиму.

– Я езжу уже давно и в любое время года, – как бы обидевшись, проговорил Виноградов – Машину люблю и стараюсь с ней не расставаться. Она стоит в гараже у дома только тогда, когда же я уезжаю в экспедицию.

– А где вы живёте? – живо отозвалась Наташа. Александр не смог сразу же ответить, так как в это время обгонял большой грузовик и ему было не до разговоров, а Наташа, истолковав его молчание по-своему, сразу же сказала. А я вот живу в Бескудниково. Это новый микрорайон на севере Моск-

вы. Туда ходит автобус от Белорусского вокзала. Может быть мы соседи?

– К сожалению, нет, – улыбнувшись ответил Виноградов. – Я живу в Отрадном. Это там, где когда-то Наташа Ростова собиралась улететь в небо. Район хороший, там много зелени, хотя и далеко добираться до центра.

– Далеко это понятие относительное, – Наташа поправила упавшие на лицо волосы. – Ростовы тратили целый день, чтобы добраться от города до своего имения, а вы за час доезжаете до Белорусского. Так что вам грех жаловаться.

– Ну да, Ростовы ездили в карете и любовались девственной природой, а еду под землёй в метро, читая при этом книгу.

– Город растёт, людей становится всё больше и возможно даже хорошо, что жилые дома с тысячами жителей построены в том районе где когда-то было графское поместье. – Наташа ухватила рукой за спинку сиденья, так как крутой вираж, во время которого «Ниссан» обогнал зазевавшийся «Москвич», заставил её всем телом прильнуть к плечу Виноградова.

– Простите пожалуйста, я нечаянно, – растерянно сказала Наташа.

– Вы так лихо ведёте машину, что я бы уже хотела закончить это путешествие и сидеть за уютным столиком в кафе.

– Мы уже подъезжаем, – ответил Александр. – Вот уже и Тверская, а немного подальше и цель нашего путешествия.

Машина, резко затормозив, остановилась у кафе «Охотник». Здесь уже мёрзли несколько молодых пар.

– Э, да мы сюда и не попадём, – огорчённо проговорила Наташа, даже не делая попытки выйти из машины.

– А это мы сейчас посмотрим, – сказал Виноградов и уверенным шагом направился к кафе. Не прошло и двух минут, как он махнул Наташе рукой и они спокойно прошли в тёплый вестибюль.

– Как вам это удалось, Александр Михайлович? – улыбнулась Наташа, когда они прошли в светлый зал.

– Это очень просто, – ответил Виноградов, усаживая девушку за свободный столик. – Администратор кафе мой давний приятель и я бы очень удивился, если бы мы сейчас стояли на улице, а не сидели здесь в тепле.

Через несколько минут к ним подошла официантка в белом передничке с записной книжкой в руках.

– Что будем заказывать? – деловито осведомилась она.

Александр, просмотрев меню, поднял голову, улыбнулся Наташе и только после этого ответил:

– Нам, пожалуйста, два куриных филе, салат «Столичный» и десерт.

– Что пить будем?

– Красное, сухое вино и кофе со сливками.

Официантка, записав заказ, сразу же ушла, а Виноградов поправил галстук и принялся внимательно разглядывать зал. Все столики вокруг были заняты молодёжью, которая кури-

ла и в меру пила, но чувствовалось, что все жду появления музыкальной группы.

– Простите, Александр Михайлович, – смущённо проговорила Наташа. – У вас случайно не найдётся сигареты? Очень курить хочется.

– И часто вы этим балуетесь? – вынимая из кармана пачку «Мальборо», спросил Виноградов.

– Да нет, не очень. Просто я сейчас немного волнуюсь.

Пока Наташа раскуривала сигарету, официантка успела принести закуски и вино, так что Виноградов, наполнив рюмки, сразу же предложил выпить за встречу.

– Не хотите ли вы меня сподить, Александр Михайлович? – Наташа натянуто улыбнулась.

– О, вы плохо меня знаете, – проговорил Виноградов. – Да и пригласил я вас сюда не для этого. Просто захотелось побыть вдвоём, поговорить.

– Наверное поучать будете, да? – Наташа перестала улыбаться и лицо её стало серьёзным. – Старшие всегда недовольны молодёжью, а мной особенно: и то, что я курю – плохо, и то, что в актрисы пошла тоже плохо, а что хорошо я и сама не знаю.

– Вы напрасно так обижаетесь на старших, – Виноградов тоже закурил, но не от волнения, а для того, чтобы сосредоточиться. – Старшие всегда недовольны молодёжью и у них это, по-моему, в крови. Всегда, когда они вспоминают свою молодость, то говорят, что были другими, были лучше нас, а

на самом деле это не так, просто время идёт, они стареют и подрастающая молодёжь занимает их место.

Наташа медленно, согревая в руках бокал, пила вино и внимательно слушала Виноградова, но затем, как бы очнувшись, негромко сказала:

– Александр Михайлович, хотите я буду называть вас просто Сашей?

– Конечно хочу, – ответил Виноградов, – но позвольте и мне в свою очередь предложить, – Наташа вопросительно посмотрела на него, – перейти с официального «Вы» на более дружественное «ты».

– И ты думаешь, что это нас сразу же сблизит? – подхватив игру, спросила Наташа.

– Да мы уже и так близки! – отпарировал Виноградов. – Если выбирать из тысячи вариантов, то у нас с тобой не самый худший:

– Во-первых, я закончил институт кинематографии, а ты сейчас в нём учишься. Во-вторых, мы работаем вместе на одной картине, а это почти тоже самое, что питаться из одного котла.

– А как зовут твою дочь, Саша? – внезапно спросила актриса, пристально вглядываясь в лицо Виноградова.

– Еленка, – коротко ответил он, стараясь скрыть смущение.

– Мою маму тоже зовут Лена, – уже слегка заплетаясь, проговорила Наташа. – Тебя это не наводит ни на какие мыс-

ли?

– Наводит и притом на совершенно конкретные, – Александр отобрал у Наташи бокал и подвинул тарелку с закусками.

– Пить надо меньше, девочка!

– А я пью только по праздникам, – принявшись за курицу, сказала Наташа. – Да к тому же только с хорошими людьми.

– Я польщён твоим комплиментом, но всё же прошу тебя говорить потише на нас уже и так обращают внимание.

– И пускай себе обращают. Ведь тут же есть на кого посмотреть. Я ведь красивая, Виноградов, правда?

– Красивая, красивая, – невольно смутился Александр, – но давай оставим эту тему. Смотри, вот уже и музыкальная группа появилась.

Молодые, длинноволосые, в ярких костюмах ребята вышли на эстраду и, взяв инструменты, начали играть.

Негромкая мелодия, оторвавшись от клавиш электрооргана, смешалась с вариациями трубы, добралась до саксофона и, набирая темп, зазвучала громче и увереннее. Пятачок перед эстрадой сразу же заполнился молодёжью и вот уже загрохотал ударник, и бас-гитара поддержала его, а вступившая гитара соло, увлекая за собой танцующих, запела звонко и заливисто, как бы стремясь показать всю красоту и завершённость композиции.

Виноградов, невольно улыбаясь, пригласил Наташу танцевать. И вот они подталкиваемые со всех сторон, постепен-

но вошли в ритм танца.

В это время на эстраду выбежала молоденькая солистка в мини-юбке и прижав ко рту микрофон, запела резким, высоким голосом. Молодёжь радостно приветствовала певицу и стало ясно, что она всем нравится и костюмом, и голосом, и манерой держаться на сцене.

Как только отзвучали последние аккорды, Виноградов повёл Наташу к их столику и, отодвинув стул, помог ей сесть.

– Ты хорошо танцуешь, – обратился он к девушке, – а главное, быстро двигаешься. Но мне уже такой темп не под силу – я слишком много курю.

– А вы бросьте это занятие, – уверенно сказала Наташа, поправляя причёску. – Ведь всем известно, что от курения и рак, и сердце, да и вообще кошмар!

– Права, Наташа, права! – усмехнулся Виноградов, – Но ты, как я вижу, всё никак не обойдёшься без официального обращения. Неужели это потому, что я такой старый?

– Ну что вы, Александр Михайлович, – девушка скорчила недовольную гримаску. – Просто я не могу вот так вот сразу, ведь мы ещё с вами мало знакомы.

– Ты действительно права, Наташа. Не надо торопить время.

Виноградов выпил бокал вина и надолго задумался, вспомнив Ирину, её светлые, длинные волосы, вечно падавшие на лицо, её стройную фигурку, грациозную походку и её любовь, такую большую, что казалось не хватит целого мира,

чтобы вместить её.

– Саша, Саша, да вернитесь же вы ко мне, в конце концов, – Наташа теребила его за руку и, когда Виноградов наконец-то посмотрел на неё, добавила:

– Вы стали вдруг такой задумчивый и серьёзный, что я просто испугалась.

– Не волнуйтесь, здоровье у меня железное, а то что в голову иногда приходят грустные мысли, так с этим я ничего не могу поделать.

Виноградов посмотрел по сторонам. Музыканты объявили перерыв и, уставшие пары сели отдыхать за столики в кафе.

– Я тоже иногда вспоминаю прошлое, – грустно сказала Наташа, – но запоминаю только огорчения или неудачи, наверное потому что на их преодоление тратится гораздо больше сил.

– Неужели у такой молоденькой девушки могут быть серьёзные неприятности? – с иронией спросил Виноградов, но Наташа, как бы не замечая его тона продолжила:

– В жизни мне приходилось непросто, так как не удалось осуществить все свои замыслы, а если что-то и получалось, то только ценой невероятных усилий.

Наташа мельком, чисто по-женски, взглянула в лицо оператора, стараясь определить насколько серьёзно он относится к её словам и, увидев внимательное лицо собеседника, продолжила:

– Однажды, после первого года учёбы в институте, мы устроили небольшое импровизированное собрание, пригласив на него декана факультета и попытались определить наши планы на летние каникулы.

Кто-то из девчонок заговорил о будущей роли в фильме, о том, что надо изучать героев в жизни, а не по страницам, написанных кем-то сценариев. И мы начинающие актрисы и актёры, заручившись поддержкой декана, разъехались кто куда.

Четверо наших ребят пошли работать на автомобильный завод, чтобы потом с увлечением рассказывать о новом оборудовании, о строгих мастерах, характеры которых они с удовольствием копировали в этюдах.

Моя подруга Светлана решила поехать в деревню и уговорила родителей отпустить её, а когда вернулась, то узнать её было невозможно: вся округлилась на парном молоке, щёки из-за спины видны, ну прямо пышка, а не девушка.

Наташа на секунду прервала свой рассказ и улыбнулась Виноградову, как бы приглашая его в соучастники.

– А я решила пойти в Аэрофлот бортпроводницей, – сказала она, вся насторожившись в ожидании протеста собеседника, но Виноградов, казалось, спокойно воспринял эту новость и лишь негромко спросил:

– У вас в семье кто-нибудь летает?

– Да, отец, – ответила Наташа. – Летает давно и даже успел уже состариться на этой работе. Я помню его совсем моло-

дым, когда все удивлённо спрашивали, не моложе ли он своей жены?

А потом, после неудачной посадки – случилась травма позвоночника и как следствие, паралич ног, долгий постельный режим и только уход и забота матери помогли ему вернуться в строй и снова начать летать. Но после пережитого он сильно поседел и как бы стал значительно старше.

– Вас не удивляет, что я немного отвлеклась? – спросила Наташа, осторожно поправляя золотую цепочку на шее и, увидев, что Виноградов отрицательно помахал рукой, оглянулась вокруг.

На маленьком пяточке у эстрады покачивались в плавном ритме танцующие пары. Здесь были молодые лет по восемнадцать, двадцать, но были и постарше, степенные, медлительные, но в тоже время трогательные.

– Как забавно наблюдать за ними, – улыbnулась Наташа. – Они ведут себя в танце как дети, неужели и мы так странно смотримся со стороны?

– Вероятно мы тоже смешны, – ответил Виноградов, бросая потухшую сигарету в пепельницу. – Этакий, начинающий полнеть ловелас и юная принцесса Наташа Васильева.

– Ну что ж, пусть на нас тоже посмотрят, – поднимаясь сказала Наташа, как бы приглашая Виноградова на танец.

Он галантно поклонился и повёл свою партнёршу на свободное место к эстраде. Они танцевали спокойно, не торопясь, как бы желая продлить удовольствие. Виноградов об-

нял девушку своими большими руками и почувствовал под тонкой тканью блузки молодое, сильное тело. От этого слегка задрожали руки, а Наташа, ставшая вдруг такой родной и близкой, положила голову ему на плечо, лицо её обиженно по-детски сморщилось и две маленькие слезинки выкатились из глаз.

– Что случилось, Наташа? – удивлённо спросил Виноградов. – Неужели я вас чем-то обидел?

– Нет, нет, что вы, Саша, – девушка попыталась скрыть слёзы. – Просто мне с вами сейчас хорошо, а ведь на самом деле всё у меня очень плохо.

– Этого не может быть, – убеждённо проговорил Виноградов. – Вы студентка ВГИКа, получившая главную роль в нашумевшем фильме, да к тому же ещё и такая красивая.

– В том-то вся и беда, – сказала Наташа и расплакалась.

Виноградов сразу же отвёл её к столику, усадил на стул и попытался вытереть платком лицо.

– Ну право же, Наташа, не стоит расстраиваться по пустякам, хотя если говорить откровенно, эти слёзы вам очень идут.

– Не надо меня успокаивать, – сказала Наташа. – Я неудачница и красота моя совсем не помогает. Один мой хороший знакомый сказал: «Ты такая красивая, что и подойти-то к тебе страшно.»

– Ну так пускай и не подходит, – бодро заявил Виноградов. – Как-нибудь без него обойдёмся.

Наташа недоверчиво посмотрела и, вздохнув, продолжила: – все парни ходят вокруг меня и рассматривают как картинку с выставки, а чтоб в душу заглянуть так ни одного нет. У любой замурзанной девчонки поклонников больше чем у меня. И мне иногда кажется, что за неделю любви и счастья я отдала бы всё своё благополучие, красоту, удачу и спокойствие. Только неделю счастья и не надо мне больше ничего.

– Всё у вас ещё будет, Наташа, – сказал Виноградов, ласково поглаживая девушку по плечу. – И радость, и дружба, и успех, а уж если будет любовь, то такая светлая и чистая, как горный родник.

– Вы такой добрый, Саша. Я вам очень благодарна за поддержку, – сказала Наташа и улыбка осветила её заплаканное лицо.

Они вышли из кафе. На улице потеплело и пошёл снег. «Ниссан» одиноко стоял на обочине дороги. Виноградов галантно открыл дверцу машины и Наташа быстро забралась внутрь. Поворотом ключа он завёл мотор, нажатием педали добавил ему оборотов и машина ответила радостным пофыркиванием, как любимый пёс, которого хозяин погладил за ухом.

Машина на высокой скорости неслась по Дмитровскому шоссе. Высокие, снежные сугробы залегали по обеим сторонам дороги. Вокруг громоздились многоэтажные дома, сверкая сотнями окон, а в витринах филиала «Детского мира» кукольные персонажи мультфильмов смотрели им вслед

большими, застывшими глазами.

– Наташа, вы начали рассказывать о своей работе в авиации, – обратился к девушке Виноградов, продолжая внимательно следить за дорогой. – Это нужно было для роли или просто потянуло вдаль за романтикой?

– Вероятнее всего и то, и другое, – девушка прикрыла лицо пушистым мехом.

– Хотелось испытать что-то необычное, оторваться от всего привычного, попытаться взлететь, что ли!

Наташа посмотрела в окно, пытаясь узнать то место, где они сейчас проезжают, а затем продолжила:

– Я прошла в Аэрофлоте краткосрочную подготовку, не без помощи отца, конечно. Получила лётную форму и в путь!

Должна сразу заметить, что это не работа, а сплошная нерво-трёпка. Мало того, что я трусиха и каждый вылет был для меня испытанием, так ко всему ещё и ответственность за безопасность пассажиров и культуру обслуживания.

И когда однажды у одного из них пропал в багаже здоровенный, тяжёлый баул, мне стало плохо – какая уж тут культура! Хорошо ещё, что нормальный мужик попался. Он мне по секрету сказал, что в багаже были арбузы и дыни.

Экипаж самолёта пообещал ему привезти из Ташкента в два раза больше арбузов и в три раза больше дынь, только бы сохранить незапятнанной репутацию Аэрофлота.

Впечатлений было масса и много было знакомств, боль-

шей частью приятных, но бывали и тяжёлые моменты, когда уставшая за лётный день, ты катишь тележку по узкому проходу и с вымученной улыбкой предлагаешь пассажирам бутерброды, конфеты и воду, а какой-то толстый боров с восточными усами на расплывшемся лице, притянув за руку, начинает шептать тебе гнусные предложения. Противно!

Наташа грустно улыбнулась и её бледное лицо, с широко раскрытыми глазами, стало печальным.

– Саша, дайте мне пожалуйста ещё одну сигарету и я обещаю вам больше сегодня не курить, – Наташа взяла протянутую Виноградовым сигарету, торопливо прикурила её и забила в угол машины, стараясь ничем не выдать своего состояния.

Александр, внимательно следивший за дорогой, казалось не замечал ни снежных сугробов, летевших навстречу машине, ни ночных огней города, ни редких прохожих на тротуарах улиц. Вся эта гармония вечерней красоты создавала лёгкое, приподнятое настроение и, поглядывая на притихшую в машине девушку, Виноградов подумал о том, что в его жизнь, заполненную работой в кино, вошла, быть может, и эта девушка с бледным лицом, с такой грустью вспоминавшая своё прошлое.

– Сейчас направо, на Бескудниковский бульвар, – негромко сказала Наташа. – Уже близко.

– И чем же закончилась ваша лётная практика? – спросил Виноградов, взглянув на девушку.

– Закончилась она здорово! – наконец улыбнулась Наташа. – Это было в один из последних рейсов и настроение у меня было приподнятое, так как я уже мечтала о возвращении домой, о том как встречу с мамой, о весёлых шутках отца, о бестолковых капризах моей младшей сестрёнки.

Самолёт приземлился в Ташкенте, где в это время стояла жаркая, солнечная погода. Я посадила пассажиров в автобус и, когда он ушёл, осталась у самолёта, ожидая выхода экипажа.

– Наташка, – громко окликнули сзади. Я обернулась и увидела рядом отца протягивающего ко мне руки.

– Папка! – Я так соскучилась по тебе. Как ты здесь оказался?

– Так же как и ты, – бодро ответил отец, беря дочь за руку. – Я прилетел сегодня утром и вот задержался, надеюсь увидеть тебя. Пойдём скорее, я уже заказал обед в ресторане. Надеюсь, твои пилоты не пропадут без тебя?

– После сытного обеда настроение улучшилось. Отец рассказал, что мама уже побывала в Ессентуках, а сестрёнка начала заниматься плаванием. Сам же продолжает летать, надеясь на то, что, в конце концов, вся семья соберётся дома.

– А что ты думаешь делать дальше? – спросил отец, когда они вышли из аэропорта. – Будешь продолжать летать или вернёшься домой?

– Сейчас хочу только домой, – сразу же ответила я, – а потом, так или иначе начнутся занятия в институте...

Закончив рассказ, Наташа попросила Виноградова:

– Остановите пожалуйста машину. Мы уже приехали, вот мой дом.

Двадцатиэтажная громада возвышалась над шоссе и горящих окон было так много, что казалось невозможным охватить взглядом все их сразу.

– Моё окно на десятом этаже, с балкончиком, – Наташа показала пальчиком вверх.

– Я запомню, – сразу же отозвался Виноградов, а сам в это время подумал:

«Надо что-то немедленно сделать, нельзя же её просто так отпускать».

Он протянул руку, осторожно погладил волосы Наташи и затем притянул её к себе. Она отстранилась в последний момент, удивлённо взглянула на него и сказала:

– Я ведь, по-моему, никакого повода вам не давала.

Её глаза смотрели на Александра в упор и он, не выдержав пристального взгляда, отвернулся.

– Простите, Наташа. Я не хотел вас обидеть.

– Спасибо и на этом.

Васильева вышла из машины, резко захлопнула дверцу и быстро пошла к своему подъезду.

– «Завтра тяжёлый день, – подумал Виноградов, разворачивая машину. – С утра установка света в павильоне, затем освоение декорации и, если успеем съёмка актёрской пробы. Надо скорее ехать домой и постараться выспаться».

«Ниссан», набирая скорость, быстро помчался по шоссе, увлекая за собой вихри снежной метели.

Глава вторая Павильон

Во втором павильоне студии кипела работа. Осветители поднимали лебёдками тяжёлые приборы и устанавливали их на лесах, подвешенных над декорацией. Бригадир осветителей Егорыч степенно ходил между рабочими и давал указания:

– Две десятки поднимите на крайние леса, что в углу декорации и закрепите их понадёжней. Нам сегодня придётся поставить много приборов, так как оператор заказал двести киловатт света, а размещать его практически негде.

– Ничего, Егорыч, не робей, – отвечал бригадиру высокий, длинноволосый парень, которого все за глаза называли «Пузырь».

– Виноградов хоть оператор и молодой, но толковый. У него ни один прибор без дела стоять не будет, так что подключай всё что можешь.

Виноградов появился на площадке в десятом часу утра, когда установка света была в самом разгаре.

– Как дела, Егорыч? – негромко спросил он, подходя к бригадиру.

– Да вот видите, Александр Михайлович, – возбуждённо заговорил Егорыч, мы уже по всем лесам приборы расставили, а схема освещения ещё не готова.

– Когда же мы сможем включить свет? – как бы не обратив

внимания на жалобу Егорыча, спросил оператор.

– Думаю часам к двенадцати, как только закончим подключение приборов.

В это время в павильон вошёл ассистент оператора Игорь Беляев. Невысокого роста, скромно одетый паренёк. Он подошёл к Виноградову и, поздоровавшись, сказал:

– Александр Михайлович, плёнку я уже получил и зарядил кассету «Аррифлекса», так что к съёмке у меня всё готово.

– Люблю аккуратных людей, – улыбнулся оператор, – и я рад, что мой ассистент является именно таким человеком.

– Стараюсь.

– У меня к тебе просьба, Игорь. Егорыч обещает к двенадцати часам включить свет и мне бы хотелось снять пробу плёнки. Так что подготовь, пожалуйста всё, что для этого необходимо.

– Значит к двенадцати я с механиками на площадке, – сказал Беляев и отправился на базу съёмочной техники.

Виноградов подошёл ко второму режиссёру Петру Свиридову и, рассказав о своих планах, попросил пригласить актёров после обеда в павильон.

– Хорошо, – ответил Пётр, – с актёрами, я надеюсь, мне удастся договориться.

В декорации послышалась перебранка осветителей и Виноградов направился туда.

– А я сказал, что ты будешь работать до конца смены, –

распекал Егорыч своего подопечного. – Я не потерплю бездельников у себя в бригаде.

– Да не бездельник я! – оправдывался высокий парень в мятой спецовке. – Мне сегодня родителей встретить надо, а поезд приходит в четыре часа.

– Знаю я твоих родителей, Смирнов, – всё более горячился Егорыч.

– Позавчера приезжал племянник, вчера тётка, а сегодня родители. Сказал бы лучше что тебе очень выпить хочется и поэтому ты решил пораньше удрать с работы.

Не дав оправдаться осветителю, Виноградов вмешался в спор:

– Довольно бессмысленных споров, – строго сказал он. – Все мы находимся на работе и трудовая дисциплина для нас закон.

Сегодня освоение декорации и все посторонние дела надо отложить!

Осветители снова принялись за работу и уже через час зажглись первые приборы. Как бы угадав этот момент, в павильон вошёл второй оператор Виктор Кравцов.

Он был среднего роста с широкими плечами, светлые волосы вились как у девушки и можно было подумать, что он их накручивает. На шее у него висел японский «Секонек», а в руках он держал «Спотметр» – прибор для измерения света. К съёмке он был практически готов и поэтому настроение у него было хорошее.

– Виктор, – обратился ко нему Виноградов, – поработай сейчас со светом и учти, что у нас сегодня будут актёры, так что добавь больше заполняющего чтобы на лицах не было тяжёлых теней.

– Эй, ребята, наверху, – обращаясь к осветителям, громко сказал Кравцов. Приборы номер 10-А и 11-Б поверните левой по лучу и направьте в центр площадки.

Когда работа по установке света в павильоне набрала обороты, Виноградов направился в комнату съёмочной группы, чтобы договориться с директором картины Семёновым о пробной съёмке актёров во второй половине дня.

Он поднялся на второй этаж нового корпуса и вошёл в комнату, где было сильно накурено. Директор сидел за столом у окна, а режиссёр Светланов пытался выяснить с ним отношения.

– Юрий Анатольевич, со мной не надо так шутить! – горячился режиссёр. – Мои актёры это не оловянные солдатики, которых можно передвигать куда угодно по желанию оператора.

Виноградов подошёл к столу и Светланов, заметив его, немного смутился.

Вообще-то режиссёр был человеком добрым и покладистым, так что Виноградов решил переубедить его.

– Владимир Сергеевич, – обратился он к режиссёру, – вы тратите время на разговоры с директором, а ведь сначала надо было поговорить со мной. Дело в том, что если мы сегодня

снимем пробу, то уже завтра можно будет входить в павильон, приглашать для работы актёров и выдавать полезный метраж. В этом заинтересованы не только мы, но и дирекция студии тоже.

– Ну если дело обстоит именно так, – неуверенно проговорил Светланов, то я не имею ничего против вызова актёров на съёмку.

– Вы пришли вовремя, Александр Михайлович, – обратился к Виноградову директор, – иначе мне пришлось бы долго уговаривать режиссёра, который и слышать не хотел о вызове актёров на освоение декорации. Но я считаю, так как начинаются павильонные съёмки, то все актёры должны находиться на студии, чтобы в любой момент приступить к работе.

Операторская группа собралась в павильоне после обеда. Сюда же ассистенты привели актёра Сергея Давыдова, чья выразительная внешность производила неизгладимое впечатление на женщин. А бригада осветителей уже была на лесах.

– Ребята, – негромко сказал Виноградов, – мы начинаем пробную съёмку. Хочу сразу предупредить, что работы у нас немного и если всё будет сделано быстро и без ошибок, то уже через пару часов я всех отпущу по домам.

– Меньше слов и больше дела! – громко сказал осветитель Смирнов, который спешил поскорее освободиться. Его рыч сердито погрозил ему кулаком и, по команде оператора,

включил осветительные приборы.

Яркий свет залил съёмочную площадку и Виноградов попросил актёра встать перед камерой.

– Игорь, – окликнул он своего ассистента, – мы будем снимать варианты по диафрагме и я прошу внимательно следить за оптикой.

– Кравцов, – обратился ко второму оператору Виноградов, – держи на актёре стабильную освещённость, а мы, изменяя диафрагму, снимем экспонетрический клин.

Виктор понимающе кивнул и медленно обошёл всю декорацию, тщательно замеряя прибором свет. Когда у операторов всё было готово к съёмке и загримированный актёр встал перед камерой, Виноградов скомандовал:

– «Мотор!»

Беляев сразу же включил камеру, Сергей Давыдов улыбнулся неотразимой улыбкой и в павильоне началась кропотливая работа. Они снимали дубль за дублем, меняя освещение, точки съёмки, оптику и когда актёр, изрядно вспотевший под ярким светом, попросил передышку, Виноградов остановил съёмку.

Материал, снятый в павильоне в этот день, дал положительные результаты. В техническом плане оператор был готов к съёмке, творческую же часть работы ещё предстояло уточнить с режиссёром.

Светланов, узнав что у оператора всё в порядке, сразу же потребовал от директора Семёнова подготовить всё необхо-

димое для съёмки в декорации.

И вот настал тот день, когда Наташа Васильева вошла в павильон. Всё здесь было ей в диковинку: и большие осветительные приборы, и размеренная работа операторской бригады, и та забота, которой окружили её костюмеры гримёры и помощники.

К актрисе подошёл Светланов и, улыбнувшись, сказал:

– Вы замечательно выглядите, Наташа. Я даже не предполагал, что у меня будет сниматься такая красивая актриса.

– Владимир Сергеевич, если вы всегда будете говорить мне комплименты, – улынулась Наташа, – то боюсь, что до конца съёмок я не сумею сохранить ту непосредственность, за которую вы меня так хвалили.

Немного сконфуженный режиссёр проводил Васильеву на площадку, затем подозвал свою помощницу Переверзеву, взял у неё постановочный сценарий и без лишних слов начал репетицию.

В это время Виноградов вместе со своей бригадой заканчивал подготовку к очередному кадру: механик Женя Жарков уже собрал и установил съёмочную камеру, ассистент Игорь Беляев зарядил плёнкой кассеты, а второй оператор Виктор Кравцов поставил свет на декорацию.

Минут через двадцать, когда Светланов закончил репетицию, оператор предложил развести актёрскую мизансцену вместе с камерой. Кроме чисто технических моментов, которые решались этой работой, важен был и психологиче-

ский фактор: актриса должна была привыкнуть к движению тележки и съёмочной камеры.

Когда техническая репетиция была закончена, Светланов приказал готовиться к съёмке. В павильоне наступила тишина и прозвучала команда режиссёра:

– Мотор!

– Есть мотор, – ответили из аппаратной.

– Камера!

– Есть камера, – сказал механик Жарков, включая мотор аппарата.

– Начали! – раздалась последняя команда режиссёра и Наташа вошла в кадр.

Действие развивалось постепенно: движения актрисы, сначала медленные, стали всё убыстряться, голос стал взволнованным и резким, в глазах появился блеск, а затем и слёзы. Хотя было понятно, что Наташа гробит первый дубль, режиссёр, с ледяным спокойствием наблюдавший эту сцену, за время съёмки не сказал ни слова.

Но как только остановился мотор камеры, Светланов взорвался:

– И кто бы мог подумать, что такая красивая актриса может так бездарно вести себя на площадке! Мы же этот простой кадр много раз с тобой репетировали и даже начинающая актриса смогла бы в такой ситуации сделать всё, что от неё требуется.

Наташа сразу же заплакала и крупные слёзы потекли по

её лицу, но режиссёр был непреклонен и громко продолжал:

– Ответь мне пожалуйста, Наташа, почему ты изменила реплику, написанную в сценарии? Там же чёрным по белому написано: «На улице тепло и светит солнце, но дома у меня прохладно. Но как только придёт мой любимый потеплеет не только в квартире, но и у меня на сердце».

– Это у вашего сценариста от такой реплики потеплеет на сердце, – резко ответила Наташа, – а меня от неё трясёт.

– Хорошо, оставим в покое сценариста, хотя текст сценария утверждён худсоветом студии, и вернёмся к нашим проблемам. Нам предстоит ещё снять несколько дублей.

Светланов оглядел притихшую съёмочную группу и обратился к оператору:

– Александр Михайлович, вы готовы к съёмке?

– Да, можем начинать.

– Мотор! – скомандовал режиссёр.

После того как были сняты ещё три дубля, один из которых был довольно приличным, решили объявить небольшой перерыв для перестановки камеры и света.

Виноградов не спеша направился в коридор, надеясь спокойно покурить.

– Александр Михайлович! – остановил его возглас актрисы. – Я бы хотела узнать ваше мнение по поводу съёмки. Вам понравилось как я сегодня играла?

– Наташа, – Виноградов внимательно посмотрел на неё, – вы не переживайте пожалуйста, сегодня же первый съёмоч-

ный день. Мне кажется, что у вас всё очень даже неплохо для начала получилось, но только одна просьба: как можно меньше суетитесь перед камерой, не забываете, что вы не в театре, а на съёмочной площадке и ваши глаза, улыбку, движение всё это видит зритель на большом экране.

– Александр Михайлович, – как-то просительно заговорила Наташа, робко заглядывая в глаза оператору, – вы ведь профессионал и можете понять моё состояние: я заканчиваю актёрский факультет ВГИКа и от результата этих съёмок возможно зависит моё будущее. Я прошу вас сделать всё возможное, чтобы я смотрелась на экране красиво.

– Я понимаю вас, Наташа и обещаю сделать всё возможное. Надеюсь, что ваше появление на экране станет событием в мире кино. Тем не менее, мне бы хотелось напомнить, что современный кинематограф не сводится только к красивости, а предполагает актёрское перевоплощение, умение выразить на экране образ, характер и мысли человека, роль которого вы исполняете.

Виноградов, так и не дойдя до коридора, прикурил сигарету и, посмотрев на Наташу, продолжил:

– Ещё хотелось бы побольше эмоций и не внешних, а внутренних. Только в этом случае на экране будет не манекен, а живой человек с оригинальным характером, со своими проблемами, мыслями и желаниями.

В это время в павильон вошёл режиссёр Светланов. Он увидел оператора с актрисой и быстро подошёл к ним.

– Александр Михайлович, – обратился он к Виноградову, – сейчас мы снимем крупный план Наташи, а потом займёмся массовойкой.

– Хорошо, – отозвался оператор.

– Владимир Сергеевич, – робко спросила Наташа, – можно ли меня снимать после массовойки?

– Почему ты вдруг закапризничала? – недовольно спросил Светланов. – Ты сейчас в хорошей форме, да и грим у тебя в порядке.

– Не в этом дело, – тихо ответила Наташа. – Мне бы хотелось немного отдохнуть, собраться с силами, сосредоточиться.

– Ну хорошо, – согласился режиссёр, – иди в актёрскую комнату, передохни, а мы тут пока с оператором поработаем.

Наташа, предупредив пом. режа Переверзеву, быстро вышла из павильона.

– Владимир Сергеевич, – сказал Виноградов, – съёмку крупных планов Наташи я бы отложил на несколько дней. Она слишком взволнована и возбуждена да и опыта у неё пока маловато. Боюсь, что из этого ничего хорошего не выйдет.

– Ну если каждый раз из-за плохого настроения актёров мы будем откладывать съёмку, то не только плановый метраж, но и картину никогда не снимем. – Светланов говорил возбуждённо, размахивая руками. – Актриса просто нервничает, это её первые шаги в кино, но как только она увидит себя на экране, то сразу же успокоится. Вот тогда-то и нач-

нётся настоящая работа.

Закончив разговор, режиссёр вошёл в декорацию и подозвал к себе Татьяну Переверзеву.

– Какой кадр мы должны сейчас снимать?

– По-моему тридцать четвёртый, – неуверенно ответила Таня, быстро перелистывая постановочный сценарий. – Я сейчас точно скажу.

– Мне не нравится ваше отношение к работе, Таня, – недовольно проговорил Светланов. – Хотелось бы, чтобы в отличие от капризной актрисы и слишком уверенного в себе оператора, моя помощница была лучше всех подготовлена к съёмке. Для этого надо совсем немного: знать номер, метраж и содержание кадра.

Убедившись в том, что его слова дошли до сознания ассистентки, режиссёр подошёл к камере. Виноградов уже был на месте, проверял оптику и готовился включить свет в павильоне.

Светланов подозвал к себе второго режиссёра и попросил его организовать массовку.

– Сейчас всё сделаем, – заверил его Свиридов и пошёл созывать актёров.

Минут через пять, когда перерыв закончился, в павильоне собрались актёры массовых съёмок. Здесь были люди двух категорий: пенсионеры, которым не хотелось сидеть дома и студенты, для которых деньги получаемые на съёмках, являлись существенным добавком к стипендии. Этих людей

собирали в актёрском отделе, одевали в костюмерной, при необходимости гримировали и затем приводили на съёмочную площадку.

Собрав массовку, второй режиссёр обратился к актёрам:

– Друзья, прошу внимания. Уже прошла половина смены, а нам ещё предстоит снять несколько больших кадров. Женщины в тёмных платках должны все подойти к камере, две девушки в светлых платьях встанут справа от аппарата, а молодые люди в костюмах должны стать вдоль стены декорации. – Свиридов оглядел притихшую массовку. – Я ещё раз должен напомнить, что Наташа Васильева будет стоять на переднем плане перед камерой и вы все должны ей помогать и подыгрывать.

– Минуточку, Пётр, – подошёл ко второму режиссёру Светланов. – Откуда ты взял в этом кадре Наташу? Мы ведь договорились, что её крупный план будет сниматься отдельно.

– Мне показалось, что объединяя эти два кадра, мы не только сократим метраж, но и добъёмся более динамичного действия.

– Чего мы хотим добиться в картине, могу знать только я, – сердито сказал Светланов, – но ты всё же можешь пригласить Васильеву на площадку. Должен предупредить, если потребуется мы будем снимать эти два кадра раздельно.

Бригадир осветителей Егорыч подошёл к оператору.

– Свет установлен, Александр Михайлович, – негромко

сказал он. – Только замерить освещённость и можно снимать.

– А куда делся второй оператор? – удивлённо спросил Виноградов.

– Начинается съёмка, а его до сих пор нет в павильоне.

– Наверное морочит голову очередной девице, – усмехнулся Егорыч. – Он на эти дела мастер.

– В павильон, как будто догадавшись о ком идёт речь, вошёл Виктор Кравцов. Он был одет в модные джинсы и светлую итальянскую куртку.

Закончив в прошлом году операторский факультет ВГИКа, Кравцов работал на студии вторым оператором. Он подбирал киноплёнку для картины, замерял свет в павильоне, а если возникала необходимость, то снимал второй камерой монтажные кадры.

Сегодняшняя смена была для Виктора напряжённой, так как в павильоне работало много осветительных приборов и оператор Виноградов требовал менять схему освещения для каждого нового кадра.

Отрадным было то, что в павильоне работала помреж. Татьяна Переверзева, увидев которую Кравцов заволновался.

«Какая славная девица, – с восхищением подумал Виктор. – Хотел бы я с ней познакомиться, да только получится ли?»

Воспользовавшись перерывом, Кравцов подошёл к помощнице режиссёра.

Имя её он уже знал, так как работали они в одной группе.

– Таня, вы могли бы мне помочь? – негромко спросил он.

– Конечно, но только если это будет мне по силам, – девушка заинтересованно посмотрела на Виктора.

– Дело в том, что я увлекаюсь фотографией и на днях мне позвонил редактор большого иллюстрированного журнала. – Виктор сделал выразительную паузу. – Он просил сделать несколько портретных снимков красивой девушки. Вот я и решил, что снимать буду вас.

– Но я же не актриса и не умею сниматься!

– Пустяки! Качество снимков я беру на себя и гарантирую, что они вам понравятся. – Кравцов улыбнулся. – Требуется только ваше согласие.

– Ну хорошо, а где вы будете снимать?

Кравцов на секунду задумался.

– Для начала – портреты на натуре, а работа со светом у меня дома.

Наступило тягостное молчание и Татьяна вопросительно посмотрела на Виктора.

– А почему у вас дома? Вы что всех девушек домой на съёмки приглашаете?

– Нет, только вас, – Виктор немного смутился. – Но хорошие фотографии я гарантирую.

– Ну что ж, над этим стоит подумать. Позвоните мне после работы, а сейчас мне пора на площадку, – Таня направилась к съёмочной камере, у которой Светланов и Виноградов

обсуждали мизансцену кадра.

Режиссёр, заметив Татьяну, громко спросил:

– Где же Наташа Васильева? Позовите её немедленно в павильон!

– Хорошо, я сейчас, – ответила помреж и направилась в актёрскую комнату.

Когда Татьяна ушла, Кравцов оглядел павильон: актёры массовки уже заняли свои места, оператор встал у камеры, а режиссёр, ожидая актрису, закурил сигарету. Он всегда курил в павильоне, несмотря на запрет.

Увидев, что в павильон вошёл пожарник Степан, Кравцов сразу же пошёл к режиссёру, желая предупредить его, но не успел он пройти и полпути, как на площадке раздался зычный голос Степана:

– Вы мне это дело прекратите! – пожарник издали грозил режиссёру. – Решили спалить весь павильон?

– Ну что ты, Стёпа, – добродушно ответил Светланов. – Я сейчас выйду в коридор.

– Нет уж, теперь в коридор поздно! Я вас сейчас оштрафую на тысячу, чтобы вы запомнили, что курить в павильоне нельзя.

– Ну зачем же так сразу, Степан, – как бы извиняясь сказал Светланов. – Мне жену и детей кормить надо, а ты меня штрафовать собрался. Ну нельзя же так!

– А курить в павильоне можно? – сурово спросил пожарник. – Так вот, немедленно тушите сигарету, а я пока схожу

в бухгалтерию и оформлю штраф.

Стеран быстро вышел из павильона, а Светланов, нервно погасив сигарету, оглянулся на своих помощников.

– Только этого мне ещё не хватало, – мрачно сказал он и обратился к группе. – Давайте работать. Нам ещё сегодня весь эпизод отснять надо.

Оператор Виноградов спросил у своего помощника:

– Виктор, как там у тебя со светом? Скоро ли мы можем снимать?

– У меня почти всё готово, Александр Михайлович, – сразу же откликнулся Кравцов и повернулся к бригадиру осветителей. – Егорыч, зажигай полный свет.

И сразу же вспыхнули осветительные приборы, залив ярким светом весь павильон. Второй оператор по ходу корректировал работу приборов:

– Десятку М-13 сделайте уже по лучу, – громко сказал он, стараясь перекрыть шум в павильоне. – Так, уже стало лучше, а прибор «Свет 1000» поставьте прямо за камерой.

Внимательно контролируя работу осветителей, Кравцов давал указания чётко и быстро. Через несколько минут всё было готово.

– Александр Михайлович, – обратился он к оператору, – у нас всё готово.

– Владимир Сергеевич, – негромко сказал Виноградов, рассматривая нахмуренное лицо режиссёра, – свет горит, можно начинать.

Светланов, стоявший рядом с камерой, растерянно оглянулся.

– Таня, – громко крикнул он, обращаясь к помрежу, – где же актриса, наконец?

В павильоне стояла напряжённая тишина.

– Где Васильева? – раздражённо спросил Светланов. – Почему у оператора вся группа на месте, а актёров нет в павильоне?

Почему, я вас спрашиваю?

– Татьяна пошла за Васильевой в актёрскую комнату, – стараясь успокоить режиссёра, сказал Виктор Кравцов. – Очевидно, скоро вернётся.

– Вернётся, не вернётся, – недовольно забормотал Светланов, усаживаясь на режиссёрский стул. – Во время съёмки все должны быть на площадке!

В павильон вошла Таня Переверзева, а за ней, на ходу приподнимая длинное платье, актриса Васильева. Девушки о чём-то оживлённо беседовали не подозревая о плохом настроении режиссёра.

– Татьяна, если вы ещё раз без разрешения покинете площадку, то я буду вынужден отстранить вас от работы. – Светланов покраснел от гнева и его слова звучали угрожающе.

– Но позвольте, Владимир Сергеевич, – сказала Наташа Васильева, – если бы Переверзева не поднялась в актёрскую комнату, кто бы пригласил меня на съёмку?

– А вас, Наташа, я попросил бы не вмешиваться, – резко

ответил Светланов. – Сейчас мы прекращаем дискуссию и начинаем репетировать.

Когда Васильева, стараясь подавить раздражение, встала перед камерой ассистент оператора Игорь Беляев, растянув ленту рулетки, замерил расстояние до лица актрисы.

– Ну что, Игорёк, получим мы наконец резкое изображение? – шутливо спросил у ассистента Виноградов.

– Всё вам будет, Александр Михайлович, – в тон оператору ответил Беляев, – и резкость, и качество, и даже хорошая цветопередача.

– Сплюнь, чтобы не сглазить, – Виноградов уже смотрел в лупу кинокамеры.

– Трансфокатор возьмёте сами или мне перехватить? – негромко спросил ассистент, наклеивая на объектив ленту белого пластыря.

– Сейчас я попробую сам, – ответил Виноградов, не отрываясь от камеры. – В конце кадра мы выйдем на крупный план актрисы, у неё такие выразительные глаза и улыбка как у ребёнка.

На съёмочной площадке началась репетиция, которая неоднократно прерывалась, так как Наташа, по неопытности, не выходила на заданную точку, отчего попросту не попадала в кадр. Светланов начал сердиться и уже слышались обвинения в адрес актрисы, когда Виноградов предложил закрепить на полу деревянную дощечку, которая ограничивала бы движения актрисы.

Постановщики быстро сработали это нехитрое приспособление и уже в следующем кадре Наташа чётко встала перед объективом кинокамеры.

После очередной репетиции выяснилось, что массовка движется несинхронно с актрисой и поэтому её крупный план не соответствует сценарию. Режиссёр долго работал с актёрами и, наконец, построение мизансцены завершилось.

Когда оператор попросил время для технической репетиции, зароптали актёры массовки, долгое время стоявшие под светом. Светланов призвал всех к порядку и, после небольшой паузы, скомандовал:

– Внимание! Всем приготовиться к съёмке. Аппаратная, мотор!

– Есть мотор, – ответил звукооператор Иван Спиридонов.

– Камера! – приказал режиссёр.

– Есть камера, – откликнулся механик Жарков, включая аппарат.

Съёмка началась и пошли актёры массовки, а Наташа, собравшись, начала играть. Вдруг громкий взрыв разорвал тишину в павильоне, заставив вздрогнуть не только актёров, но и всю съёмочную группу.

– Что случилось? – как-то неуверенно спросил Светланов.

– Да ничего особенного, – ответил бригадир осветителей Егорыч, быстро пробираясь к дымящемуся прибору. – Просто от перегрева взорвалась лампа.

– Нет, так больше работать невозможно! – возмущённо

заявил режиссёр. Это чёрт знает что, а не съёмка. Я просто отказываюсь работать в таких условиях. Мне нужно выполнять план, а вы все только тем и занимаетесь, что вставляете мне палки в колёса.

– Владимир Сергеевич, – стараясь охладить пыл режиссёра, сказал Виноградов, – мы с вами за людей поручиться не можем, а вы хотите, чтобы техника никогда не отказывала.

– Да, я этого хочу! – запальчиво произнёс режиссёр. – Мы собрали сильный творческий коллектив и я требую, чтобы люди отвечали за технику, которую им доверяют. Любой человек, работающий в кино, понимает, что если актриса вошла в роль и делает именно то, что я от неё требую, то надо немедленно снимать, а вы в это время ищете оправдания для своих сотрудников, которые не могут устранить неисправность.

Светланов, высказавшись, с досадой отвернулся.

– Такая ситуация возникает всегда, когда режиссёр, пришедший из театра в кино, приносит с собой на съёмку свои театральные замашки, – раздражённо сказал Виноградов. – И нет ничего удивительного в том, что этот режиссёр может создать фильм, на экране которого двигаются не люди, а манекены и живых характеров нет! А всё происходит от того, что режиссёр плохо разбирается в технике кино и не может понять того, что без камеры, плёнки и осветительных приборов кинематограф существовать не может!

Светланов с удивлением посмотрел на оператора, не ожи-

дая от него такого красноречия.

– Если вы всё это сказали в мой адрес, Александр Михайлович, то я обязательно приму это к сведению, – режиссёр говорил негромко, стараясь подавить волнение, – но давайте не будем обострять наши отношения, так как нам ещё всю картину работать вместе. Ваши замечания я учту, но и вы пожалуйста примите к сведению, что больше подобных случаев я не потерплю.

– Понятно, – ответил оператор и вернулся к камере.

В это время осветители закончили ремонт прибора. Воспользовавшись паузой, актрисе Ваильевой подошла гримёр Инна Михайловна и начала поправлять грим, а Татьяна Перверзева и Виктор Кравцов, выйдя в коридор, разговорились.

– Таня, мы с вами на площадке работаем по разные стороны баррикад: я в операторской группе, а вы в режиссёрской, но мне бы хотелось чтобы в жизни мы стали друзьями.

– Я думаю, что это во многом зависит от вас, Виктор.

– Я постараюсь сделать всё, что в моих силах!

– Попробуйте, – усмехнулась Таня и направилась в павильон, где громко звучал голос второго режиссёра Петра Свиридова.

– Всем участникам съёмки срочно вернуться на площадку!

Татьяна и Кравцов подошли к камере, у которой стоял Виноградов.

– Александр Михайлович, – бодро сказал Виктор, – у нас всё готово и мы можем продолжить съёмку.

– Ну что ж, давайте, – отозвался оператор и оглянулся в поисках режиссёра, но ни его, ни актрисы в павильоне не было.

Татьяна, сразу же оценив ситуацию, быстро сказала:

– Я сейчас сбегаю в буфет, возможно Наташа там.

Виноградов попытался ей возразить, но Таня уже побежала к выходу из павильона. Она вернулась через несколько минут, а вслед за ней, на ходу дожёвывая бутерброд, появилась Наташа Васильева.

– Уж и на минутку в буфет нельзя заскочить, – недовольно сказала она, вытирая салфеткой руки. – Обед-то не объедаете!

– Тут кинопроизводство, а не детский сад, – серьёзно заметил Виноградов.

К нему подошёл второй режиссёр и спросил всё ли готово к съёмке.

– У нас всё в порядке, – ответил оператор. – Вот только Светланова нет.

– Я сейчас позвоню ему в группу, – сказал Свиридов и направился к телефону, висевшему на стене у входа в павильон.

Через несколько минут режиссёр был на площадке и, отдав последние распоряжения, начал съёмку.

Всё было хорошо: и игра актрисы, и работа массовки, и

движение камеры, но Светланов всё-таки остался недоволен. Он подошёл к Виноградову и тихо сказал:

– Прошу тебя, Александр Михайлович, снимай актрису как можно крупнее чтобы её глаза и улыбка были ясно видны на экране. Только в этом случае мы сможем выйти из положения, ведь Наташа ещё ничего не умеет.

– Хорошо, – коротко ответил Виноградов, – но повозиться с техникой мне ещё придется.

– Возись себе на здоровье, – режиссёр заметно повеселел, – у нас ещё есть время.

Он подошёл к Петру Свиридову и они начали обсуждать варианты съёмки предстоящих кадров.

Виноградов попросил своих помощников поставить на камеру трансфокатор, с помощью которого можно было плавно изменить крупность снимаемого кадра. Теперь вместе с операторской тележкой, поставленной на рельсы, достигалось динамичное изменение всего изображения.

– Владимир Сергеевич, мы готовы, – громко сказал оператор, садясь за камеру. – Снимаем крупный план актрисы. Поправьте грим, пожалуйста.

Вокруг Наташи засуетились гримёры, поправляя тон, подкрашивая глаза и губы.

– Все готовы? – спросил режиссёр. – Сейчас сделаем последние уточнения и будем работать.

Он подошёл к актрисе и коротко пояснил ей, что съёмка будет происходить как и раньше, но только с одним добав-

лением:

– Когда ты выйдешь на крупный план к камере, постарайся играть не жестом или движением, это тебе сейчас не нужно, так как в кадре только твоё лицо, а улыбкой или даже глазами, чтобы выразить своё состояние: влюблённость, неуверенность, надежду.

Наташа внимательно слушала режиссёра.

– Тебе всё ясно? – Светланов с сомнением посмотрел на неё.

– Да, я поняла и готова работать, мне только не нравится очерёдность снимаемых кадров: сперва мы снимаем трагедию, почти горе моей героини, а затем начинаем снимать, как она на вершине радости и счастья. И всё это в один съёмочный день. Тут в сценарии всё перепутано. Мне тяжело так!

– Ах вот ты о чём! – воскликнул режиссёр. – Так ведь это же специфика кино, в том-то и вся соль: сначала снимается смерть героини, а уж затем её рождение. И не думай пожалуиста, что мы это делаем специально, якобы во вред актёрам, нет! Просто технические особенности съёмки нас к этому обязывают. Дело в том, что какие-то кадры снимаются в павильоне, а какие-то на натуре и допустим, что рождение героини происходит в весеннем саду, так записано в сценарии, а её смерть – на убогой кровати в тёмном подвале. Съёмочной группе, по плану студии, сначала предоставляют павильон, так как на дворе зима и снимать весну невозможно.

Творческий коллектив вынужден работать над последними днями героини, а заодно и над всем действием, которое происходит в павильоне.

И только весной, когда устанавливается погода, съёмочная группа выходит на натуру и снимает рождение героини или её свадьбу. В общем всё, необходимо для фильма. В результате получается, что актёры и съёмочная группа перенесутся не только в разные города и страны, но и в различные промежутки времени.

– Так что, Наташа, раз уж ты решила стать актрисой, то тебе придётся смириться с этой ситуацией и даже приспособиться к ней, иначе ничего хорошего из этого не выйдет, – Светланов бодро прошёлся по павильону и повернулся к актрисе. – Соберись, пожалуйста и будь внимательна, так как снять мы можем только два дубля, но помни, что в этом кадре самое главное это твои глаза. Мне хотелось бы увидеть в них радость и счастье, а не мысли о том, какими вкусными были сегодня бутерброды. Понятно?

– Понятно, – засмеявшись, ответила Наташа. – Я сделаю всё как вы сказали.

– Внимание, мы начинаем съёмку последнего кадра, – громко сказал режиссёр, становясь рядом с камерой. – Я прошу всех собраться с силами и отработать чётко и быстро. Как только закончим, я отпущу всех актёров, не дожидаясь конца смены.

Одобрительный гул прошёл по павильону. Виноградов си-

дел у камеры, внимательно наблюдая за действиями режиссёра.

– Вы готовы? – спросил его Светланов.

– Готов, – последовал лаконичный ответ.

– Внимание, мотор! – режиссёр поднял руку, камера выехала на исходную позицию, актёры заняли свои места и съёмка началась.

Виноградов смотрел в лупу кинокамеры, правой рукой поворачивал ручку штатива, а левой плавно вёл трансфокактор. Актриса появилась в кадре и её лицо уже заняло весь экран. В этот момент Наташа начала монолог и, когда его заканчивала, Виноградов укрупнил план до предела, оставив в кадре только её глаза.

Когда глаза актрисы наполнились слезами и они потекли по её лицу, раздался громкий возглас режиссёра:

– Стоп! Отлично! Актёрами я доволен и если у операторов всё в порядке, то на сегодня съёмка закончена.

Механик Женя Жарков быстро открыл камеру и проверил кадровую рамку.

Соринок не было, царапин на плёнке тоже.

– Всё нормально, Александр Михайлович.

Оператор с улыбкой кивнул режиссёру, тот зам. директору и Костя Петров объявил об окончании смены. Актёры массовки, получив талоны за работу, стали расходиться. Ассистент оператора Игорь Беляев разрядил кассеты и отнёс материал в лабораторию на проявку, а режиссёр и оператор

в опустевшем павильоне всё продолжали обсуждать съёмочный день.

Наташа подошла к ним.

– Я вам не помешаю?

– Ну что, вы, – сказал Виноградов, – я думаю, что с вами мы решим этот вопрос быстрее. Дело в том, что Владимир Сергеевич сомневается пока в успехе всего нашего замысла, так как не видел ещё отснятый материал на экране. Он даже подумывает о том, правильно ли мы сделали, выбрав вас на главную роль.

Наташа побледнела, лихорадочно открыла сумочку и вынула из неё несколько фотографий.

– Но ведь были пробные съёмки, – воскликнула она. – Вы отобрали меня из большого числа претенденток. Вот фотографии, вы сами ещё совсем недавно хвалили их, говорили, что у меня прекрасная фактура и что кроме меня никто этой роли сыграть не сможет.

Наташа раскраснелась, глаза от волнения искрились, она, сама того не замечая, размахивала фотографиями, стараясь убедить режиссёра.

– Вы говорили, что я подхожу на роль героини не только внешне, но и по характеру. Что же вы сейчас сомневаетесь? Разве я не справляюсь с ролью?

– Наташа, – успокаивающе сказал Светланов, – вы пожалуйста не переживайте, вот посмотрим материал на экране и тогда всё станет ясно. А пока идите домой и отдыхайте.

Актриса попрощалась и пошла к выходу, а Виноградов, глядя ей в след вспомнил как всё начиналось во время подготовительного периода...

На улице была поздняя осень. Утром по радио объявили о наборе девушек для съёмок в фильме. Предупредили, что конкурс будет большой и отбор сложным. На объявление откликнулись десятки претенденток. Среди них были выпускницы школ, мечтавшие стать актрисами, студентки актёрских вузов и актрисы, уже снявшиеся в нескольких фильмах.

Все они горели одним желанием: получить роль в фильме, сняться в кино у известного режиссёра Светланова. Некоторые из них, более опытные, приносили с собой комплект фотографий, снятых в разных вариантах, а одна из девушек принесла школьную фотографию, где она была изображена вместе с тридцатью своими соучениками и, стыдливо улыбаясь, пояснила режиссёру что другой фотографии у неё нет. Работы было много и требовала она много сил и большой отдачи, так как ошибка в выборе актрисы, могла повлечь за собой неудачу всего фильма.

Светланов и Виноградов смотрели на этих девушек, слушали как они говорят и как двигаются. Спрашивали умеют ли они танцевать и что их интересует в жизни, а потом, стараясь не смотреть девушкам в глаза, говорили о том, что они не подходят для съёмок в фильме. Это было тяжело видеть то количество слёз, которое пролилось из девичьих глаз и наводило на мысль, что любая неудача в жизни – это всегда траге-

дия. Самое печальное заключалось в том, что актрису, столь необходимую для съёмок, творческая группа среди этой толпы желающих, так и не нашла. Ситуация складывалась просто трагическая, так как подготовительный период подходил к концу и уже была известна дата начала съёмок, а актрисы на главную роль всё ещё не было.

На помощь пришёл случай. Проезжая на машине мимо Института кинематографии, режиссёр и оператор решили, как бывшие студенты этого вуза, зайти посмотреть что и как, а заодно пообедать в институтском кафе. Взяв подносы и став в очередь, они обсуждали возможность съёмки природы в деревне, из которой вернулись, выбирая натуру. Так как Светланов и Виноградов находились в Институте кинематографии, где такие разговоры считались обычным явлением, на них никто не обращал внимания.

Расплачиваясь у кассы, Виноградов почувствовал, что его сзади кто-то толкнул. Он повернулся и увидел среднего роста девушку с модной причёской в синих джинсах и розовой кофточке. В руках она держала поднос, на котором была выставлена тарелка с супом, мясо с гарниром и компот. В следующую секунду произошло непредвиденное: режиссёр Владимир Светланов, тоже с подносом в руках, стал поворачиваться, чтобы пройти от кассы в зал, при этом он своим подносом задел девушку. Если бы Светланов был худеньким мальчиком то ничего серьёзного бы не случилось, но Владимир Сергеевич весил восемьдесят семь килограммов!

Раздался грохот падающих тарелок, всё содержимое которых оказалось на светлых брюках режиссёра и джинсах девушки. Владимир Сергеевич от неожиданности наклонился вперёд и содержимое его подноса вылилось на кофту девушки... Душераздирающий крик разнёсся по столовой!

Что можно было с уверенностью в тот ужасный момент сказать, так это то, что голос у девушки поставлен замечательно. Её одежда была запачкана незначительно, всё основное досталось Светланову, но крику было как на хорошей ярмарке в базарный день, причём кричала девушка не переставая, используя весь нотный диапазон. Вокруг стала собираться толпа любопытных, все оживлённо жестикулировали и громко высказывали своё мнение, стараясь перекричать девушку.

– Да перестаньте же вы в конце концов! – досадую сказал Светланов.

– Вы испортили мои джинсы и кофту, – прекратив вдруг кричать, громко сказала девушка. – Мне не в чём будет ходить в институт. Как я домой заявлюсь? Что мне скажет мама?

Вопросы сыпались без остановки и создавалось впечатление, что девушка и не ждёт ответа. Однако Светланов вмешался:

– Я куплю вам новые джинсы и кофточку, только перестаньте кричать.

Девушка неожиданно умолкла.

– Садитесь сейчас с Александром Михайловичем и ведите себя прилично, а я тем временем восстановлю ваш пропавший обед.

Когда они, наконец-то, сели за стол и Владимир Сергеевич принёс еду для девушки, порядок в столовой был восстановлен: шум прекратился, любопытные разошлись по своим местам, а уборщицы быстро навели порядок. Инцидент был исчерпан. Знакомство состоялось, а пострадавшая оказалась студенткой актёрского факультета ВГИКа. Звали её Наташа Васильева.

На вопрос о причине скандала и громкого, необоснованного крика, Наташа ответила, что ей было обидно, так как это новые джинсы и любимая кофта. Надо также учитывать и то, что завтра она сдаёт экзамен по вокалу.

– Голос у вас действительно хорош! – улыбаясь сказал Светланов.

– Таким голосом можно ночью хулиганов распугивать.

– Такое тоже в моей жизни случилось, – улыбнулась Наташа. – Беда только в том, что мой голос мне завтра вряд ли поможет. У нас очень строгий преподаватель, а я пропустила много занятий и восполнить пробелы самостоятельно не смогу.

Светланов внимательно посмотрел на девушку, затем, повернувшись к оператору, спросил:

– Александр Михайлович, вам нравится эта девушка?

– Девушка мне конечно же нравится, но я чувствую, что

вы думаете совсем о другом... Будем её пробовать на роль?

– Да, – сказал Владимир Сергеевич и спросил у Наташи:

– Хотите сниматься в нашем фильме?

– А что за фильм и какая роль? – Наташа вопросительно взглянула на режиссёра.

Светланов начал объяснять, что у нас полнометражная, музыкальная картина, в ней много музыки и песен, но большая роль отводится и драматургии.

Актрисе, по ходу съёмок, придётся танцевать, петь, грустить и конечно же влюбляться. Какой же фильм без любви!

– По поводу того, что вы перечислили в начале, это я всё смогу, – Наташа поправила волосы и стала салфеткой вытирать джинсы. – А вот насчёт любви – не знаю. Для того, чтобы сыграть любовь по-настоящему, надо самой хотя бы раз влюбиться, а у меня ещё такого не было.

– Как же так? – удивился режиссёр. – Такая славная, красивая девушка и без любви! Куда же смотрят все наши мужчины, где толпы поклонников, почему не звучат серенады?

– Серенады уже отзвучали, а любовь так и не пришла, – печально сказала Наташа.

– Эх, скинуть бы мне годков двадцать, избавиться от жены и детей, – шутливо произнёс Светланов, – и я бы показал вам, что такое настоящая любовь.

– Но это зависит и от моего желания, – засмеялась Наташа.

В результате они договорились встретиться завтра и попытаться сделать первые пробы. Наташа пошла переодевать-

ся, а затем на лекцию. Режиссёр с оператором после необычного обеда вернулись на студию.

На следующий день, войдя в павильон, Виноградов увидел Наташу. Она была необычайно хороша: светло-синий брючный костюм, высоко взбитая причёска, блестящие от волнения глаза и дрожащие руки, в которых актриса держала сценарий.

Оператор подошёл к девушке и они поздоровались. Из её короткого рассказа Виноградов узнал, что джинсы и кофта отданы в химчистку, а экзамен по вокалу сдан на четыре балла. Поэтому настроение сейчас хорошее и есть желание получить роль в фильме.

На площадку вошёл режиссер и Виноградов попросил осветителей включить свет. Как только камера была готова, съёмка началась. В визире камеры Наташа выглядела замечательно: красивое лицо со стильной причёской, костюм, облежавший тонкую фигуру, выразительные жесты, блестящие глаза и непосредственная улыбка делали её яркой и привлекательной.

– Наташа, теперь вы нам споёте, а мы вас запишем, – сказал Светланов приглашая актрису к микрофону.

Звукооператор Иван Спиридонов надел наушники и потребовал тишины.

Надо заметить, что звукооператоры народ строгий и если на натурной площадке они не заметны, то в павильоне они полные хозяева и без их разрешения съёмка не начинается.

Пользуясь синхронной записью звука, они всюду подсовывают свои микрофоны, требуют полной тишины и чётких реплик актёра.

И даже команды на съёмку подаются сначала звукооператору, а уж затем оператору и съёмочной камере.

Иван Спиридонов внимательно оглядел павильон и под его взглядом вся съёмочная группа затихла.

– Начали! – скомандовал режиссёр. – И Наташа запела. Голос её высокий и чистый зазвучал в павильоне и сразу же все замерли, поражённые силой и красотой этого голоса. Он обволакивал, притягивал, о чём-то просил и в то же время успокаивал.

Виноградов увидел как заулыбались осветители, как стал притопывать ногой Светланов и в павильоне наметилось заметное оживление, что сразу же привело к протестующим жестам Ивана Спиридонова.

Наташа пела профессионально, на уровне известных эстрадных певцов, а может быть и чуточку лучше. Вполне возможно, что на эстраде её ждал бы успех, но желание стать актрисой взяло верх. Закончилась фонограмма, Наташа замолчала и отошла от микрофона. Все заплодировали и в том числе Светланов.

– Наташа, вы просто молодец! – сказал он, подходя к актрисе. – Я и не знал, что у вас такие вокальные данные. Думаю, что нам придётся несколько изменить сценарий, чтобы была возможность вставить в фильм песню в вашем испол-

нении.

– О, я буду только рада, – улыбнулась Наташа, – но мне бы хотелось не только петь, но и сниматься в вашем фильме. Я прочла сценарий и главная женская роль мне понравилась. Я подумала и согласна играть.

В павильоне негромко засмеялись, адекватно отреагировав на непосредственность актрисы, а режиссёр сказал:

Меня радует ваше желание, девочка, но мы для начала посмотрим материал на экране, а уж затем решим подходите вы на эту роль или нет.

– Понятно, – грустно проговорила Наташа, – и у меня в институте тоже дел полно. Через неделю экзамены должны начаться.

Помреж Переверзева проводила Васильеву до выхода из павильона. Вся группа ей сочувствовала, но окончательное решение мог принять только режиссёр.

– Ну как она тебе, Александр Михайлович? – спросил Светланов, подходя к оператору.

– В общем-то актриса достойная, – серьезно ответил Виногорадов. – Красивая, умная, хорошо поёт и двигается свободно, ко всем достоинствам ещё и студентка актёрского факультета. Мне кажется, Владимир Сергеевич, что ваши биографы обязательно напишут о том, что вы первый открыли в этой девушке будущую звезду экрана.

– Ты всё на до мной издеваешься, – проворчал Светланов, – а мне не до шуток. Если эта актриса нам не подойдёт,

то у нас возникнут серьезные проблемы, так как съёмочный период уже на носу.

– Владимир Сергеевич, наш профессор в институте всегда говорил: «Язык на экран не повесишь». Так что посмотрим актёрскую пробу и тогда уж окончательно решим!

Но посмотреть кандидатов на роль на экране творческой группе не удалось, так материал по техническим причинам не был выдан лабораторией.

Огорчённые этим обстоятельством, режиссёр и оператор отправились на художественный совет.

Поднимаясь в лифте на четвёртый этаж, Виноградов обратил внимание на лицо режиссёра: бледное, землистого оттенка, с тёмными кругами под глазами оно производило болезненное впечатление. Светланов сильно волновался и мучился дурными предчувствиями. Он, известный театральный режиссёр, пробивший свою первую кинопостановку, должен был предстать перед худсоветом не имея утверждённой актрисы на главную роль. Он мог рассчитывать только на свой авторитет и тщательно разработанный постановочный сценарий.

Режиссёр и оператор вошли в большую, светлую комнату, в которой уже собралось множество людей: здесь были и известные режиссёры, и художественные руководители творческих объединений и даже сам директор студии Михаил Владимирович Твердолобов.

Им предложили сесть и без всяких предисловий началось

обсуждение будущей картины. Вопросы посыпались со всех сторон:

– Когда вы предполагаете начать съёмочный период?

– Куда собираетесь поехать в экспедицию для съёмок на-туры?

– Какова финансовая смета картины?

– Как обстоят дела с выбором актёров на главные роли?

Светланов, заметно нервничая, поднялся со стула, раскрыл режиссёрский сценарий и неторопливо, но чётко стал зачитывать исходные данные картины.

Виноградов с сожалением подумал о том, что у режиссёра сейчас подавленное настроение, а ведь от его темперамента, умения доходчиво говорить и способности убеждать людей зависит судьба картины.

Истории кино не забывает о том, что часто, только благодаря активности режиссёра, его умению пробивать свою идею, начинались съёмки фильма, становившегося впоследствии знаменитым. А не будь у режиссёра этой пробивной силы, поднять громоздкую машину кинопроизводства, в которую втягивались многие организации и десятки людей, было бы практически невозможно.

Художественный совет уже обсудил почти все моменты предстоящих съёмок и сейчас режиссёр должен был представить актёров, как вдруг дверь приоткрылась и, в образовавшуюся щель, робко, как бы извиняясь, протиснулась актриса Васильева...

Первое на что Виноградов обратил внимание, так это на сразу же посветлевшее, как бы помолодевшее лицо режиссёра. Он смотрел на Наташу, как на своего спасителя, который подал ему руку в самый трудный момент. Светланов улыбнулся, как герой рекламного плаката и жестом пригласил актрису войти.

– Простите пожалуйста, – робко проговорила Наташа, – меня задержали занятия в институте. Сегодня на репетиции присутствовал профессор и я должна была оставаться до конца.

Она поправила выбившуюся прядь волос и непроизвольно одёрнула юбку.

Маститые режиссёры удивлённо переглянулись: обычно на художественных советах актёры не присутствовали, а тут в святая святых вторгается девчонка да к тому же ещё что-то лепечет про свои институтские дела.

Но дело в том, что девушка эта была необычайно хороша и её открытое, непосредственное лицо озаряла такая чистая и добрая улыбка, не ответить на которую было невозможно. Поэтому большинство серьезных членов худсовета дружески улыбнулись, а Наташа, уверенная в том, что вокруг одни друзья, прошла на свободное место.

– Кхе, кхе, – негромко прокашлял директор студии. – Друзья, мы немножко отвлеклись, а у нас на очереди вопрос об утверждении актёров на главные роли. Какие у режиссёра будут предложения?

Твердолобов вопросительно посмотрел на Светланова, при этом его немолодое, с глубокими морщинами лицо, не выражало никакой поддержки. Режиссёр взглянул на директора и уже собрался произнести хорошо подготовленную с подробными пояснениями речь, но вдруг вместо этого, повернувшись к Наташе, сказал:

– Вот моя героиня, на ней и будет держаться весь фильм! Я думаю, что мне не надо много говорить, так как, действительно, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Все члены худсовета, как один, посмотрели на Наташу и она, смущённая столь пристальным вниманием, опустила голову. Затянувшееся молчание прервал главный редактор объединения Борис Иванович Гребенников:

– Господа, мы видим перед собой актрису с хорошими внешними данными, но для утверждения на главную роль этого недостаточно. Располагает ли режиссёр картины материалом актёрских проб?

Светланов, поднявшись, начал оправдываться, ссылаясь на плохую работу лаборатории. Он просил обратить внимание на малые сроки подготовительного периода, на трудности в поисках актрисы, на свою уверенность в том, что Наташа Васильева справится с ролью, так как она является студенткой актёрского факультета.

– Друзья мои! – сорвавшись со стула, отчаянно заговорила Наташа.

– Прошу поверить мне, хоть это и моя первая роль, но я

даю вам слово, что сделаю всё возможное, чтобы сыграть её удачно! Я надеюсь, что режиссёр Светланов поддержит меня своим авторитетом.

– Да, конечно актриса Васильева права! Мы обязательно снимем хорошую картину о дружбе и любви, – поднимаясь сказал режиссёр, – не забывая при этом об изобразительной стороне фильма.

– Я захватила с собой несколько фотографий, – уже спокойнее сказала Наташа. – Мне сделали их во ВГИКе и их одобрил оператор фильма Виноградов. Вот посмотрите их, они должны вам обязательно понравиться.

«Что эта девчонка такое говорит? – с ужасом подумал Виноградов.

– Сейчас её выгонят из этого кабинета и за наглость вообще запретят появляться на студии».

Однако этого не произошло и реакция маститых кинодеятелей была как раз обратной. Вероятно, Наташе сделали скидку на молодость и чисто женское обаяние, так как члены худсовета с интересом стали рассматривать фотографии, передавая их из рук в руки.

В кабинете все заметно оживились и даже директор негромко покашливал изредка бросая на актрису дружелюбные взгляды. Затем Васильеву попросили выйти, мотивируя это тем, что вопрос об утверждении актрисы на главную роль в её присутствии решаться не может. Бросив на режиссёра умоляющий взгляд Наташа скрылась за дверью.

– Ну что ж, товарищи, – сказал директор студии, – все производственные вопросы у нас в целом решены, осталось только утвердить актрису на главную роль. Прошу высказываться.

Первым встал главный редактор Гребенников.

– Девушка, конечно, симпатичная, но не только этим мы должны руководствоваться при утверждении начинающей актрисы на роль. Я от имени творческого объединения предлагаю следующее: режиссёр Светланов может начать съёмки фильма с актрисой Наташей Васильевой в главной роли, – Гребенников выдержал паузу, – но только после просмотра первого отснятого материала на экране, худсовет примет окончательное решение.

Борис Иванович сел на свой стул и, как бы завершая дискуссию, добавил:

– В конце концов, замена актрисы даже после нескольких съёмочных дней не является для нас серьёзной проблемой.

Члены худсовета поддержали Гребенникова и директор Твердолобов подвёл итог дискуссии:

– Если никто не возражает, то я думаю, что предложение главного редактора объединения необходимо принять за основу нашего решения. Группа должна в установленный срок начать съёмочный период, а с выходом материала из лаборатории мы утвердим актрису. Да кстати, Владимир Сергеевич, – обратился он к режиссёру, – как у вас обстоят дела с подбором остальных актёров?

– С этим у нас всё в порядке, – ответил Светланов. – На главную мужскую роль мы предлагаем утвердить известного актёра Театра драмы Сергея Давыдова.

– Кто за? – спросил директор Твердолобов. – Так, единогласно. На этом заседание художественного совета объявляю закрытым.

Таким образом, Наташа оказалась в съёмочной группе. Виноградов достал сигареты и вышел из павильона. Идя по коридору опустевшей студии, он заметил помрежа Таню Переревзеву и Виктора Кравцова. Они оживлённо беседовали и Виктор держал в своих руках маленькую руку Татьяны. Им было хорошо вместе и никаких проблем у них в данный момент не возникало, кроме одной, конечно, успеют ли они сегодня на метро?

– Ну что ж, мне пора, – улыбнулась Татьяна, – а то уже везде гасят свет и я боюсь, как бы нас не закрыли на студии.

– Об этом можешь не беспокоиться, – переходя на ты, сказал Виктор. – Сегодня в четвёртом павильоне ночная съёмка и поэтому корпус останется открытым.

– И тем не менее, по домам! – Татьяна встала и они пошли одеваться.

На улице шёл мокрый снег, кружился у ярких фонарей, налипал на ветки деревьев, прогибая их своей тяжестью. Таня плотнее запахнула шубку.

– А я думала, что будет мороз, – сказала она. – У меня с погодой всё наоборот получается: когда я тепло одета – на-

чинается оттепель, а летом, если я в босоножках и без зонта, то обязательно пойдёт дождь.

– Если тебе не везёт только с погодой, то это ещё полбе-
ды, – грустно усмехнулся Виктор, – а вот мне не везёт во
всём!

– Не может этого быть! – уверенно сказала Таня. – Я не
понимаю отчего у тебя плохое настроение и такие печальные
мысли?

– Это всё моя жизнь! – с горечью произнёс Виктор. – Мне
пришлось многого хлебнуть и не всё получилось так, как хо-
телось бы.

– Расскажи, пожалуйста, – попросила Таня.

– Ну если ты настаиваешь, то слушай, – он надел кофр на
плечо, застегнул куртку и не очень уверенно начал:

– Я поступал на операторский факультет ВГИКа четыре
года подряд и, наконец, набрав высшие балы, был принят.
Учёба в институте была для меня праздником: с утра у нас
были лекции и учебные просмотры, а после обеда я шёл на
съёмки в павильон и там работал до самого вечера. Так про-
должалось два первых года обучения. Потом, став старше
и изучив основы съёмочной техники, я начал снимать сов-
местно с режиссёрами маленькие игровые фильмы, – Вик-
тор мельком взглянул на Таню, но она внимательно слуша-
ла. – Когда же я защитил дипломную работу, то встал пе-
ред проблемой, что делать дальше? На киностудии, куда
меня распределили, штат операторов был полностью уком-

плектован и единственное, что мне могли предложить, так это работу ассистентом оператора. Проще говоря – мальчишкой на побегушках. Конечно, и от ассистента многое зависит во время съёмки, но для такой работы совсем не обязательно было пять лет учиться в институте.

– Извини, Виктор, – вмешалась Татьяна, – но ведь ты сейчас работаешь вторым оператором и почти на равных разговариваешь с постановщиком фильма?

– Да, надо отдать должное Виноградову, – сказал Виктор. – Я проработал с ним несколько картин, он остался мной доволен и по его ходатайству, я был назначен вторым оператором.

– А ещё жалуешься на свою судьбу! – с укоризной заметила Татьяна. – Поработаешь ещё пару картин вторым, а потом начнёшь снимать самостоятельно.

– О, это было бы здорово! – Виктор наконец-то улыбнулся.

Последний троллейбус пронёсся мимо, но они этого как бы и не заметили. Время давно перевалило за полночь и стало ясно, что добраться домой на метро они уже не успеют. Украдкой взглянув на часы, Татьяна загрустила и Кравцов сразу же сказал:

– За углом остановка такси, мы сейчас возьмём машину и скоро ты будешь дома.

– Прости за нескромный вопрос, – смутилась Таня. – А деньги на такси у тебя есть?

– Конечно есть! – бодро ответил Виктор, прикидывая в уме много ли у него осталось. – Я же сегодня получил перевод из редакции за репортажные фотографии. Меня похвалили, хотя я сам ими не доволен.

Таня недоверчиво посмотрела на него и, ничего не сказав, взяла под руку.

Кравцов почувствовал нежность к этой девушке, у него улучшилось настроение появилось желание сделать что-то хорошее, даже взять её на руки, но они уже подошли к остановке, у которой стояло такси с зелёным огоньком.

– Вы свободны? – открыв дверь, спросил Виктор.

– А куда ехать? – оглядывая их, поинтересовался водитель.

– На Ленинский проспект, – ответила Татьяна. – Мы сами не доберёмся, уже поздно.

– Ну садитесь, всё равно других пассажиров нет.

Они быстро забрались в машину, сразу же заработал мотор и в боковом стекле замелькали расплывчатые пятна фонарей. Виктор обнял Таню, она не отстранилась, а наоборот, доверчиво положила голову ему на плечо. Хорошее доброе чувство объединило их. Он с трудом мог вспомнить, когда в последний раз целовал девушку, да и вспоминать сейчас об этом не хотелось, а Татьяне и вспоминать-то было нечего. Поэтому, даже будучи мало знакомы, они потянулись друг к другу, чувствуя взаимную привязанность и доверие.

– Тебе не холодно?

– Нет, что ты, в машине тепло.

Таня сняла варежку и Виктор взял её за руку. Она повернула к нему лицо и он осторожно, стараясь не испугать, поцеловал её. Мягкие, доверчивые губы по-детски сжатая рука, всё это надолго осталось в его памяти. Он был счастлив в эти минуты и радость была в нём через край. Казалось, что он готов на всё ради этой девушки.

– Таня, ты самая лучшая, самая красивая на свете!

– Ну не надо так, – она попыталась отстраниться. – Мы не одни в машине.

В зеркале на ветровом стекле упорно маячили любопытные глаза водителя. Виктор отодвинулся, но руку не убрал. Машина выехала на Ленинский проспект, показался универмаг «Москва» и Татьяна попросила остановиться. Расплатившись, они подошли к её дому и на лифте поднялись на пятый этаж.

Виктор на прощание поцеловал Таню и она улыбнулась в ответ.

«Жизнь прекрасна и удивительна! – улыбался он про себя. – Девушка просто сказка! И всё складывается замечательно!»

Глава третья Дочь

Поздно вечером Виноградов вёл машину по городу. Во многих домах уже погасли окна, только редкие фонари освещали, занесённую снегом дорогу. Проехав большой мост, он повернул в Отрадное и увидел вдалеке свой дом.

Недавно построенный красавец, хоть уже и погружённый во тьму, навевал чувство отдыха и покоя. То самое чувство, которое так необходимо человеку, вернувшемуся домой после тяжёлого рабочего дня. Запарковав машину, Виноградов выключил мотор, включил сигнализацию и, захлопнув дверцу, направился к подъезду. Он взглянул на седьмой этаж, увидел тёмный проём своего окна и, подумав о том, что дочь наверное уже спит, вошёл в дом. Войдя в лифт он открыл портфель и начал искать ключи. Эта процедура повторялась каждый раз, когда ему надо было войти в квартиру. Найти маленькую связку ключей в большом портфеле, было задачей не из лёгких. Он вытащил папку с документами, фотоаппарат, объектив, два журнала, записную книжку и, наконец-то, нашёл ключи.

«Завтра же положу их в карман куртки, – подумал Виноградов и вздохнул с облегчением». Так повторялось каждый день, но уже утром, опаздывая на работу, он на ходу засовывал в портфель аппаратуру, сценарные разработки и по инерции туда же бросал ключи, сразу же забывая об этом.

Лифт остановился и Александр, стараясь не шуметь, открыл дверь. Войдя в прихожую, он щёлкнув выключателем и услышал негромкий голос дочери:

– Папа, папа, иди ко мне, я ещё не сплю.

Он открыл дверь детской комнаты и в сумраке увидел свою дочь Еленку в длинной, светлой ночной рубашёнке. Она стояла на кровати и протягивала к нему руки.

– Дочка, родная! – взволновано заговорил он. – Сейчас ведь уже поздно ночь на дворе, а ты до сих пор не спишь.

Он взял её на руки и прижал к себе. Девочка обвила его шею руками. Она была тёплой ото сна и пахла молоком.

– Скажи, моя славная, тётя Лиза укладывала тебя сегодня спать?

– Да, Лиза накормила меня ужином и уложила в постель, но я очень хотела тебя увидеть и поэтому не спала.

– Еленка, ты знаешь, что мы завтра с тобой сделаем? – Виноградов ласково поглаживал светлые волосы девочки.

– Знаю, – сонным голосом ответила она. – Ты говорил, что завтра у тебя не будет съёмки, я не пойду в детский сад и останусь дома.

– Верно!

Еленка открыла пошире глаза, чмокнула отца в щеку и добавила: – Нет! Мы завтра с тобой поедem в зоопарк, там звери такие замечательные и смешные обезьянки. Папка, ну пожалуйста, ты же мне обещал!

– Еленка, мы обязательно поедem в зоопарк, – Виноградов

попытался уложить дочь в постель, – но мы должны с тобой договориться, что ночью ты будешь спать, а не ждать пока я приду с работы. Ведь тётя Лиза уложила тебя два часа назад!

Только сейчас Александр заметил, что зашёл к дочери в куртке и, выйдя в прихожую, стал раздеваться у вешалки. Он очень устал, хотелось есть, но дочь снова позвала его.

– Малышка, постарайся заснуть, а я пока на кухне чай заварю.

– Нет, я хочу посидеть с тобой, – плаксиво заговорила девочка. – Я так давно тебя не видела!

Виноградов отвёл взгляд. Ему стало стыдно за себя и обидно за дочь, которая не только растёт без матери, но и отца своего редко видит дома. Но он ничего не мог поделать, так как съёмки часто заканчивались поздно ночью и он приезжал домой, когда Еленка уже спала. Если бы не помощь сестры Лизы которая в его отсутствие присматривала за дочерью, у Виноградова совершенно опустились бы руки, так как он сам, оставшись без жены, не смог бы вырастить и воспитать дочь.

– Ну вот что, Еленка, – Виноградов попытался улыбнуться. – Я сейчас одену на тебя халатик, потом отнесу на кухню и мы вместе попьём чай.

– А сказку расскажешь?

– Обязательно!

Неся на руках, завёрнутую в халат дочку, Александр подумал, что сказку он должен придумать прямо сейчас, при-

чём тщательно обрисовать действие и героев, так как Еленка знала многие сказки наизусть и угодить ей было довольно сложно.

На кухне Виноградов сразу же начал хозяйничать, а Еленка, закутавшись в махровый халатик и поминутно поправляя длинные, светлые волосы, довольно улыбалась. Не часто им приходилось вместе ужинать.

Когда отец разлил по чашкам чай и выставил на стол хлеб, масло, пряники и сыр, Еленка с удовольствием принялась за еду. Щёки её раздулись, ротик, набитый едой, не закрывался и она, смешно моргая глазами, смотрела на отца стараясь что-то сказать.

– Ты сначала прожуй как следует, а уж потом мы с тобой поговорим, – назидательно проговорил Виноградов, легонько ударяя пальцем по надутой щеке дочери. – Есть такая поговорка, её часто повторяла моя бабушка: когда я ем я глух и нем!

– Какая смешная поговорка, – наконец прожевав пряник, с улыбкой сказала девочка. – Папка, а почему ты ничего не ешь, а только на меня смотришь?

– Ты так аппетитно кушаешь, что я сыт одним твоим видом, – ответил Виноградов. – А скажи-ка мне, доченька, тебя что Лиза сегодня не кормила?

– Что ты, папа, мы с тётей Лизой хорошо поужинали, просто я ем сейчас с тобой за компанию.

«Ох, обманывает меня Еленка,» – с огорчением подумал

Виноградов. – «Вероятно Лиза выставила ей еду, не проследила, чтобы девочка поела, а сама ушла домой. Да к ней и претензий быть не может, её ведь дома свои дети ждут, а малышке одной есть не хочется, вот она и привирает мне понемножку. Нет надо всё же отказываться от вечерних смен! Фильмов будет ещё много, а дочь у меня одна!»

– Ну что, Еленка, наелась? – спросил Виноградов. – Будем укладываться спать?

– Нет, нет, папа, надо сначала посуду помыть. Поставь мне пожалуйста стульчик к умывальнику, а то я не достану.

У Виноградова вытянулось лицо: пять лет дочери, а она уже посуду мыть собралась.

– Дочка, давай лучше я, а ты пока зубки почишь.

После того как Еленка помылась в ванной, а Виноградов убрал со стола, он предложил идти спать, но провести эту маленькую, белокурую бестию было невозможно и хотя у неё уже слипались глаза, а голова лежала на плече отца она всё равно упорно повторяла: – Хочу сказку, хочу сказку, ну папа, пожалуйста, ты же обещал.

Виноградов отнёс засыпающую дочь в постель, удобно устроился рядом и начал рассказывать:

– В некотором царстве, в некотором государстве жила-была юная принцесса. Звали её Золотко и была она красива, как утренний рассвет. Отец её, король Балабон, был злым и жадным стариком, который держал свою прелестную дочь в большом, неприступном замке, окружённом глубоким рвом.

О красоте принцессы в народе слагали легенды, но никто не мог её увидеть, так как злой король не выпускал Золотко за ограду замка и она томилась в нём, с утра до вечера работая за прялкой.

– А разве принцесса в школу не ходила? – уже с закрытыми глазами спросила Еленка.

– Не ходила, так как злой король её в школу не пускал, – укрывая одеялом дочь, ответил Виноградов. – Так я рассказываю дальше?

– Да, да, пожалуйста.

– И вот однажды пришло время, когда принцесса стала взрослой девушкой: белолицей, кареглазой, стройной и высокой. И сказала она королю-старика, что хочет посмотреть на мир, который находится за пределами замка. Король рассердившись, грубо ответил, что пока он жив, здоров и силен королевской властью, принцесса никогда не выйдет за ворота замка.

– Но почему? – возмутилась юная принцесса.

– Потому что тебя могут увидеть простолюдины и осквернить своим взглядом, – твёрдо заявил король.

– Но я не боюсь такой скверны и считаю, что красотой я буду помогать людям и даже исцелять их от болезней и горя.

Король Балабон был упрямым стариком и слушать ничего не хотел. Принцесса плакала день и ночь, но разжалобить короля ей так и не удалось. Однажды, с первыми лучами солнца, на окошко её замка прилетела белая голубка и спросила

у принцессы:

– Золотко, отчего же ты всё время плачешь?

И поведала ей принцесса о своём горе и несбывшихся мечтах. Та белая голубка оказалась не простой, а доброй, волшебной феей, которая успокоила принцессу, пообещав на днях прилететь снова. Впервые за долгое время, улыбнулась Золотко, взяла свою пряжу и принялась за работу.

День проходит, два проходит, а голубки всё нет и нет. Только на третий день, с восходом солнца, прилетела она к принцессе.

Улыбка осветила лицо девушки и в её глазах появилась надежда на скорое освобождение. Но голубка не обрадовала принцессу, а поведала ей о страшной тайне короля Балабона.

Своё королевство и всё нажитое богатство он добыл в разбое за далёким морем, а для обеспечения своей безопасности он взял Золотко в заложницы.

Слёзы ручьём полились из глаз принцессы и голубка никак не могла её успокоить. Солнечные лучи ярким веером ворвались в замок, осветили тёмную комнату, пробежали по потолку, стенам и коснулись принцессы. Золотые одежды сшитые из пряжи, которую своими руками пряла девушка, заиграли разноцветными огнями, осветили невиданным светом замок, а голубка, сидевшая на окне, вдруг превратилась в прекрасную фею с волшебной палочкой в руках.

Она взглянула на плачущую принцессу и, поведя волшебной палочкой в её сторону, сказала:

– Только принц, молодой, сильный и красивый, может спасти тебя. Он живёт в далёкой стране и готовится к сражению со злым королём.

– А как же принц узнает меня? – в отчаянии спросила принцесса.

– Об этом не беспокойся, Золотко, – ответила фея. – Я уже сообщила ему о твоей беде и теперь, если принц Гиней достоин твоей любви, он примчится сюда как на крыльях.

С этими словами фея исчезла и сразу же померк волшебный свет, оставив принцессу в долгом, томительном ожидании. Через несколько дней Золотко увидела из окна золотистый парус на горизонте. Он быстро приближался и наступил момент, когда парус закрыл почти всё небо, а под ним летел большой корабль, сработанный в виде птицы с распростёртыми крыльями. У руля стоял высокий, красивый принц Гиней, за плечами которого развивалась золотая мантия. Вот он поднял голову, увидел в окне принцессу, вздрогнул от невиданной красоты её и крикнул могучим голосом, от которого содрогнулись стены замка:

– Зототко, я спасу тебя!

Навстречу принцу вышел король Балабон со своим несметным войском и выстроил его вдоль стен замка. Битва началась: сверкали молнии и гремел гром, казалось, что сама природа помогает принцу. Тьма тьмущая войск столкнулись друг с другом, повсюду летели стрелы, взрывались ядра и чёрный дым закрыл свет солнца. Три дня и три ночи длил-

ся жаркий бой и на рассвете четвёртого дня полчища короля Балабона были разбиты, а он сам взят в плен.

Принц Гиней на своём легендарном корабле с золотыми парусами взлетел над землёй и поднялся к окошку замка. Принцесса Золотко протянула к нему руки и они соединились в едином порыве, чтобы всегда быть вместе.

Солнце пробилось сквозь тучи, осветив, летящий над полем сражения корабль и тысячи воинов с радостью приветствовали принцессу Золотко и принца Гиней...

Виноградов посмотрел на дочь. Еленка спала, удобно устроившись на подушке и сладко посапывала. Он встал и тихонько прошёл в ванную, принял душ почистил зубы, а потом, стараясь не шуметь, постелил себе на диване в большой комнате. Уже лёжа под одеялом, Виноградов закурил сигарету. Огонёк мерцал в темноте и он вдруг вспомнил, что вот так же в постели, на ночь глядя, любила курить жена Ирина...

Была ранняя весна, весело стучала капель, ярко светило солнце и подтаявшие сосульки лениво падали с крыш. Микроавтобус подъехал к обновлённому зданию мединститута. Четверо молодых рабочих в комбинезонах начали выгружать съёмочную аппаратуру. Сегодня здесь, в лекционном зале анатомического корпуса была назначена репортажная съёмка, которую должны были проводить студенты операторского факультета института кинематографии.

Среди них был и Александр Виноградов.

Когда в аудитории, формой напомилавшей амфитеатр, операторы установили кинокамеру и включили осветительные приборы, прозвенел звонок и появились первые студенты. Они все были в белых халатах и шапочках. Виноградов усмехнулся, подумав о том, что декан велел всем быть в форме.

Среди студентов – медиков заметно выделялась одна девушка. Александр её сразу заметил. Она была среднего роста, в короткой юбчонке, подчёркивающей её стройные ноги и светлой кофточке. Длинные, лохматые, светлые волосы выбивались из под белой медицинской шапочки, а карие глаза, подведенные тушью, смотрели на ребят насмешливо, как бы с иронией.

Когда пришёл профессор и началась лекция, Виноградов включил камеру.

Он сразу же отснял общий план аудитории, затем профессора у доски, а потом решил снять крупные планы студентов. Поставив длинофокусный объектив Виноградов прошёлся по лицам студентов и остановился на симпатичной мордашке девушки, а она, увидев, что её снимают, радостно заулыбалась, а затем скорчила смешную гримаску. Оператор, оторвавшись от камеры, погрозил ей пальцем, но девчонка продолжала всё также смеяться. Сняв ещё несколько крупных планов и уделив особое внимание энергичной речи профессора, Виноградов закончил съёмку.

Дождавшись окончания лекции, операторы начали соби-

рать аппаратуру.

Когда Виноградов укладывал тяжёлую камеру в кофр, его кто-то тронул за плечо. Он обернулся и увидел ту самую девушку, которая улыбалась во время съёмки.

– Смогу ли я увидеть себя на экране? – робко спросила она.

Александр пожал плечами и пробормотал, что он вообще-то ещё студент и не может гарантировать качества съёмки. Девушка презрительно передёрнула плечами и направилась к выходу из аудитории.

– Одну минуту! – решительно остановил её оператор. – Скажите как вас найти, если материал будет в порядке?

Девушка недоверчиво посмотрела на него, закинула сумку на плечо и, улыбнувшись, сказала:

– Вы можете мне позвонить, вечерами я дома.

– Меня зовут Александр, – смущённо представился Виноградов.

– А меня Ирина. Я сейчас напишу мой телефон, – она вынула из сумки блокнотик, быстро написала номер и поставила восклицательный знак.

Через три дня, посмотрев материал на экране и убедившись, что изображение хорошее, Виноградов позвонил девушке. К телефону подошла её мама и сказала, что Ирины нет дома. Он позвонил на следующий день – Ирины снова не было дома. Выждав два дня и решив, что если сегодня не застанет её, то звонить больше не будет, Виноградов позвонил.

– Алло, – раздался в трубке мелодичный голос.

Всегда уверенный в себе, свободно говоривший с девушками, Александр почему-то смутился.

– Простите, Ирину можно к телефону? – сжимая вспотевшей рукой трубку спросил он.

– Я слушаю вас, – бодро ответила девушка.

– Вас беспокоит Саша, – уже увереннее проговорил Виноградов. – Тот самый оператор, который снимал вас на лекциях в институте.

– Ах, да, да, припоминаю, – живо откликнулась Ирина. – А почему вы так долго не звонили? У вас что, ничего не получилось?

– Да нет же! У меня прекрасное изображение и вы смотрите замечательно! – разозлившись, сказал Александр. – Просто вас не было дома!

– Ну что вы! Обычно я по вечерам дома, – быстро заговорила Ирина, – но дело в том, что у нас началась сессия и я целыми днями пропадала в читалке: готовилась к анатомии. – Ирина выдержала паузу. – И, между прочим, сегодня её сдала!

– Я вас поздравляю, – откликнулся Виноградов. – Знаете, у нас на курсе есть традиция: после сдачи каждого экзамена мы обязательно идём в театр.

– Хорошая, интеллигентная традиция, – поддержала Ирина.

– Вот я и предлагаю: давайте встретимся, зайдём к нам

в институт, посмотрим ваше кино, а после этого пойдём в театр.

На другом конце провода, сомневаясь и обдумывая предложение, девушка замолчала.

– Ну что вы, Ирина! – забеспокоился Виноградов. – Я же не Дон Жуан какой-нибудь, а свой брат студент.

– А билеты в театр у вас есть? – робко спросила Ирина.

– С билетами у нас особый случай. Нам выдают в институте специальные пропуска, по которым мы можем пройти на спектакль в любой театр, правда места не гарантируют, так что иногда приходится стоять.

Ирина опять неуверенно замолчала.

– По-моему, лучше постоять на хорошем спектакле в театре «На Таганке», возбуждённо сказал Александр, – чем сидеть в партере и смотреть скучную пьесу.

– Но я не могу стоять весь вечер! – обиженно проговорила Ирина. – Хоть в перерыве-то присесть можно будет?

– Именно это я и хотел вам пообещать! – уверенно заявил он. – Я вас в антракте посажу на первый ряд партера. Договорились?

– Ну если вы так настаиваете, то мне придётся согласиться. А куда надо подъехать?

– Встречаемся завтра в пять часов у метро «ВДНХ», я буду с цветами, – и Виноградов повесил трубку.

На следующий день, побывав на лекциях в институте и закончив монтаж на учебной студии, Александр поехал за

цветами. На рынке к нему привязался хмельной тип, настойчиво предлагая букеты цветов, но Александр уверенно подошёл к знакомой продавщице, торговавшей розами всех цветов. Они так нарядно смотрелись в этот солнечный день, что не купить их было просто невозможно.

Виноградов выбрал цветы, не торгуясь заплатил за букет и, взглянув на часы, быстро пошёл к метро. Ровно в пять он стоял у «ВДНХ», но Ирины пока не было.

«Вероятнее всего опоздает» – подумал он и, чтобы не терять время, стал просматривать свежий номер журнала. Прошло минут двадцать, журнал был полностью прочитан, а Ирины всё не было. Решив подождать ещё пять минут Александр подошёл к выходу из метро. Тут он и увидел Ирину. Она была в голубой куртке с ярко-красным шарфом, перекинутым через плечо. Увидев в руках Виноградова розы, Ирина улыбнулась ему.

– Я думала, что вы забудете про цветы, – с иронией сказала она.

– Я всегда стараюсь выполнять свои обещания.

Они стояли у входа в метро, а вокруг шёл сплошной поток людей и их толкали со всех сторон. Какой-то здоровый мужик пошёл прямо на них, оттеснив Ирину своим громадным животом.

– Надо немедленно выбираться отсюда, – Виноградов взял девушку за руку. – А то нас, чего доброго, совсем затрут.

– Ничего не поделаешь, час пик, – Ирину казалось толчея

не беспокоила.

– Нам надо спешить в институт, – он взглянул на часы. – Я заказал просмотровый зал на студии и если мы опоздаем, то его займут другие студенты.

Они выбрались из толпы и направились к автобусной остановке. Там тоже скопилось уже много людей и, когда подъехал автобус, его стали брать штурмом. Пользуясь своим высоким ростом, Виноградов проталкивал Ирину к дверям. Только войдя внутрь салона, они вздохнули с облегчением. Но не тут-то было: их сильно прижали к окну и Александр, как бы оберегая, обнял Ирину.

От близости её лица и запаха духов у него закружилась голова.

Вот, наконец, и их остановка. Выбравшись из автобуса, Виноградов и Ирина направились к институту. И тут он вспомнил, что торопясь, забыл заказать для неё пропуск. Уже волнуясь и предчувствуя тяжёлое объяснение с вахтёршей, Александр повёл девушку к проходной института. В бюро пропусков дежурила сегодня тётя Маша, которой Виноградов к пятидесятилетию сделал несколько хороших фотографий, чему она была несказанно рада.

– Здравствуйте, тётя Маш, – бодро произнёс Александр. – Вы сегодня несказанно хороши!

– Ой, говорун, не могу! Чего тебе надо?

– Пропуск для девушки на учебную студию. У меня зал заказан, надо посмотреть материал.

– Почему заранее заявку не подал?

– Девушки не было в Москве, она была в творческой командировке.

Ирина негодуяще дёрнула его за рукав, протестуя против лжи, но вахтёрша не в пример ей, смягчилась.

– Ездят, всё ездят, – примирительно забормотала она. – Всё никак уговориться не могут. Девка-то какая красивая, выйти замуж давно пора, а она по командировкам шастает.

Получив пропуск и войдя в вестибюль института, они подошли к гардеробу.

– Виноградов, пожалуйста сюда, – окликнула его пожилая женщина, принимая одежду.

Александр счастливо улыбнулся: это был его институт, его второй дом, вокруг были все знакомые: режиссёры, операторы, актёры. Со многими он здоровался и они приветливо ему отвечали. Ещё бы: сколько было выпито на вечерних посиделках в общежитии, у костров в экспедиции, на элитных вечерах в Доме Кино.

Виноградов помог Ирине снять куртку и они прошли по стеклянному коридору в здание учебной киностудии.

Просмотровый зал был свободен и Александр передав механику коробки с плёнкой, пригласил девушку пройти внутрь.

В небольшом зале стоял полумрак и лишь на столике, рядом с телефоном светилась маленькая лампочка. Непривычная тишина окружила их: они были в зале одни, сидели в

креслах, взявшись за руки и только белый экран на стене напоминал о том, что они на студии.

Виноградов взял телефонную трубку и попросил механика начать просмотр.

Он посмотрел на Ирину и она улыбнулась ему. Тихо застрекотал проектор и на экране появились кадры, снятые в медицинском институте: вот панорама лекционного зала, вот седовласый профессор, объясняющий материал студентам, а вот и взлохмаченная голова Ирины, её улыбка и смешная гримаска.

– Неужели это я? – неуверенно спросила девушка. – Такая взбалмошная и игривая. Я ведь в жизни совсем другая – обычно грустная и серьезная.

– Вероятно, на вас подействовал момент съёмки, – снисходительно улыбнулся Александр. – Люди часто меняются, когда их снимают, трудно оставаться самим собой перед объективом кинокамеры.

– В таком случае я не завидую актёрам, которые снимаются в кино, – Ирина непроизвольно поправила прядь волос. – Им постоянно приходится играть: и перед камерой, и в жизни.

– Да, работа у них нелёгкая, под ярким светом и в нервном напряжении, под постоянным давлением со стороны режиссёра. В короткий промежуток времени актёр должен создать на экране правдивый образ, которому поверил бы зритель.

Экран погас, закончился просмотр и они вышли из зала.

Виноградов отнёс коробки с плёнкой на склад и, взяв Ирину за руку, повёл её мимо открытых дверей монтажных комнат.

– Окончательный монтаж фильма делает режиссёр? – Ирина заглядывала в каждую комнату, где монтажницы просматривали на столах большие бобины с плёнкой.

– Обычно, да, – подтвердил Александр, – но я стараюсь работать с такими режиссёрами, которые являются моими единомышленниками. Мы всё делаем вместе: разрабатываем постановочный сценарий, отбираем актёров, выбираем натуру, снимаем фильм и монтируем его.

Взглянув на часы, Виноградов заторопился: – Уже начало седьмого, нам надо спешить в театр.

Одевшись, они вышли из института. Солнце склонялось к закату и тёмно-оранжевые лучи освещали верхние этажи высоких зданий. Стало заметно прохладней и Александр помог Ирине поплотней укутать горло.

– Что б не простудилась!

Ответом ему послужил благодарный взгляд девушки.

– У нас мало времени, – сказал он. – Придётся ехать на такси.

Увидев вдали зелёный огонёк, Виноградов поднял руку. Машина остановилась и они сели на заднее сидение.

– К театру на Таганке, пожалуйста.

Ирина с любопытством посмотрела на него. Попасть в этот театр на вечерний спектакль было совсем не просто. Он

взял её за руку, несильно сжал и улыбнулся девушке.

– Кино вы посмотрели, себя на экране увидели, а теперь мы едем в театр, чтобы по-человечески отдохнуть.

– При условии, конечно, что мы туда попадём, – откликнулась девушка. – Насколько я знаю, сегодня на Таганке «Мастер и Маргарита» Булгакова и желающих попасть на спектакль будет более чем достаточно.

– Но, я сделаю всё возможное, чтобы достать билеты, – уверенно сказал Александр. – Конечно жаль, что у нас их нет, но ничего не поделаешь: театр на Таганке сейчас один из самых популярных в Москве.

Такси остановилось недалеко от здания театра и Виноградов, расплатившись, помог Ирине выйти из машины. Он оглянулся вокруг и присвистнул от удивления: большая очередь стояла у входа в театр и уже на подходе спрашивали лишние билетки.

Крепко взяв Ирину за руку, Александр стал пробиваться вперёд. Протиснуться к окошку администратора, которое осаждала толпа, было практически невозможно. К ещё большему огорчению рядом висело объявление: «Входные пропуска выдаваться не будут!»

Ирина сразу же закрутила, а Виноградов, с надеждой оглядываясь вокруг старался хоть что-нибудь придумать. Но лишних билетов ни у кого не было, а те счастливики, которые их имели, старались поскорее пройти в театр.

Время подходило к семи и Александр решительно рванул-

ся к администратору.

Он пробился сквозь толпу и настойчиво постучал в окошко.

– Откройте, срочное сообщение!

– Билетов нет! – громко ответил администратор, не поддаваясь на провокацию.

Но Виноградов продолжал настойчиво стучать, изредка оглядываясь в поисках Ирины. Наконец окошко приоткрылось и на него взглянуло непроницаемое лицо администратора. Улыбаясь как можно приветливее, Александр сказал:

– Мне два билета, пожалуйста, – он показал своё удостоверение. – Я из института кинематографии.

Администратор неприветливо взглянул на него, потом посмотрел на удостоверение и уже хотел закрыть окно, но как бы что-то вспомнив, передумал.

– По поводу билетов, вы и не мечтайте! Я могу предложить только входные пропуска. Берёте?

Виноградов для приличия немного помялся, а затем поблагодарив, взял контрамарки. Он пробился сквозь толпу, провожаемый завистливыми взглядами и стал искать Ирину. Она стояла на улице, рядом с киоском. Приветливо помахав билетами, он подошёл к ней.

– Ну вот, мы в полном порядке, а ты сомневалась. Я ради тебя, душа моя, не только билеты достану, но и сплету венки из ночных созвездий.

– Зачем?

– Чтобы подарить ко дню рождения!

– В таком случае ждать мне осталось совсем немного и ты можешь немедленно приниматься за дело, так как до моего дня рождения остались считанные дни.

Смеясь и перебрасываясь шутками, они прошли в вестибюль театра. Прозвенел третий звонок, Ирина на ходу сняла куртку и Виноградов, подхватив её бросился к раздевалке. Купив программку, они прошли в зал. Партер был переполнен, зрители стояли даже между рядами и найти свободное место было практически невозможно.

– Сейчас мы что-нибудь придумаем, – Александр оглянулся и уверенно направился к билетерше, стоявшей у стены с фонариком в руке.

– Здравствуйте, вы сегодня тоже в театре?

– Да, конечно, я же на работе, – женщина улыбнулась, стараясь вспомнить где она встречала этого молодого человека. – Спектакль замечательный, а где ваши места?

– Их заняли посторонние люди и не собираются нам уступить.

– К сожалению на режимных спектаклях это часто случается, – билетерша покачала седой головой. – Но я вас сейчас быстро устрою.

Когда они сели на приставные стулья, Ирина с восхищением сказала:

– Да ты у нас просто герой!

– На том и стоим! – Саша радостно, по-детски, улыбнулся.

В этот момент погас свет и начался спектакль. Виноградов много раз читал известный роман Булгакова, знал почти все реплики героев и поэтому больше смотрел на Ирину, чем на сцену театра. А она восхищённо ахала с появлением каждого нового актёра.

– Ах, Мастер, какой актёрище! Просто чудо! А Маргарита – актриса играет её потрясающе!

В зале творилось что-то невообразимое: зрители, то напряжённо затихали в драматические моменты, то от души смеялись над остроумными репликами актёров. Ирина не была исключением: она и смеялась, и плакала, утирая слёзы платочком, часто с благодарностью смотря на Александра.

Во время антракта все зрители ринулись в буфет и Виноградов, посадив Ирину за столик, пошёл добывать пищу. Он взял бутерброды с икрой, блины по-русски, две бутылочки «Фанты» и горстку шоколадных конфет.

Увидев Александра с подносом, уставленным едой, Ирина залилась счастливым смехом. У неё это получалось довольно забавно.

– Ты столько еды набрал, что можно подумать будто мы не ели дня два.

– Студент как солдат, всегда голоден, – пробормотал Александр, принимаясь за бутерброды.

Ирина поела совсем немного, выпила чуть-чуть «Фанты», обвела взглядом людей за столиками и счастливо улыбнулась.

– Сегодня хороший вечер, правда?

– Что правда, то правда! Всё что мы задумали, у нас получилось!

Виноградов отнёс в буфет поднос с пустыми бутылками и они вернулись в зал, который уже заполнили зрители. Только два кресла в четвёртом ряду не были заняты. Уже прозвенел второй звонок, а места оставались свободными.

– Ирина, вперёд! – негромко сказал Александр.

– А если придут с билетами? – волнуясь спросила девушка.

– Тогда мы им уступим, – усаживаясь в кресло, ответил он.

Они удобно устроились на свободных местах и сразу же началось второе отделение. Никто им больше не мешал, никто не заслонял сцены и их внимание было сосредоточено только на актёрах. А, между тем, события разворачивались с лихорадочной быстротой: вот началась сцена между Мастером и Боландом. Мастер попытался сжечь рукопись, а Боланд воскликнув, что рукописи не горят, выхватил её из огня и бросил на пол. Сцена достигла такого драматического накала, что в зале, казалось, перестали дышать. Когда же Мастер и Маргарита остались вдвоём, Ирина улыбнулась.

– Теперь всё будет хорошо, – с облегчением, сказала она.

Виноградов промолчал, понимая весь трагизм, происходящего на сцене. То что являлось стержнем романа Михаила Булгакова, с блеском воплотили в спектакле режиссёр и

актёры Театра на Таганке.

Конечно, небольшая сцена с устаревшей механизацией, маленький зрительный зал и фантастичность отдельных эпизодов, создавали перед творческим коллективом определённые трудности, но тем радостней был грандиозный успех спектакля. Зал разразился аплодисментами. Актёров многократно вызывали и они с благодарностью кланялись зрителям.

Выйдя после спектакля на улицу, Александр и Ирина направились к метро.

Спускаясь по эскалатору, они обменивались впечатлениями:

– Какая Маргарита красивая! – прижимая цветы к груди, вздохнула Ирина.

– Да, актриса просто замечательная, – поддержал её Виноградов, – но и Мастер тоже хорош!

– А как тебе понравился Кот?

– Не только Кот, но и все персонажи просто великолепны!

На них стали оборачиваться. Со стороны можно было подумать, что эти молодые люди просто старые знакомые, которые понимают друг друга с полуслова. Но это была их первая встреча и, как бы вспомнив об этом, они замолчали.

Выйдя на станции «Полежаевская», Ирина раскрыла зонт. Шёл дождь, под ногами была слякоть, но настроение было хорошим.

Она взяла Виноградова под руку и они неторопливо по-

шли к её дому.

– У меня скоро зачёт по гистологии, – Ирина взглянула на Александра, – и я завтра начинаю готовиться.

– А у меня съёмка курсовой работы, – Виноградов остановился, – но это не значит, что мы больше не встретимся. Давай сделаем так: я позвоню тебе через пару дней и, если с зачётом всё в порядке, то мы назначим встречу на Маяковке. Согласна?

– А если я не сдам гистологию?

– Я всё равно тебя увижу, как бы ты не сдала свой зачёт!

– Ты так в этом уверен? – Ирина насмешливо посмотрела на Александра.

– Нет, но мне бы этого очень хотелось.

Он обнял девушку, стараясь поцеловать, но она упёрлась ему в грудь руками и не далась.

– Ты слишком торопишься, Саша, так нельзя!

Ирина повернулась и быстро пошла к дому, прижимая к груди букет цветов.

– В субботу, в шесть, у памятника Маяковскому! – крикнул ей вслед Александр.

Прошло три дня. В условленное время Виноградов стоял на площади Маяковского и ужасно волновался. Он не звонил Ирине в эти дни, так как подумал что она сама должна решить, будут ли они ещё встречаться. У выхода из метро он увидел Ирину в красном пальто и, переполненный радостью, пошёл ей навстречу. Они улыбнулись друг другу как старые

знакомые. Виноградов взял в свои большие ладони маленькие ладошки Ирины и посмотрел ей в глаза.

– Здравствуй!

– Привет! – она улыбнулась и в её глазах светились смешинки, а Саша был настолько переполнен чувствами, что казалось сейчас начнёт передвигать здания и корчевать деревья.

Ирина прочла в его глазах решимость совершить что-то героическое и лёгким движением поспешила успокоить. Так они стояли и без слов общались друг с другом, немного испуганные новым, большим чувством, которое так внезапно возникло в них, оформилось за последние дни и, казалось, останется навсегда.

– Я рад тебя видеть, – сказал Виноградов, не отпуская рук Ирины.

– Я тоже.

– Я скучал по тебе!

– И я скучала!

– Я думал, что умру, если ты не придёшь!

– И чтоб этого не случилось, я пришла!

– Я не могу жить без тебя!

– И я не могу!

– Что же с нами будет?

– То, что всегда бывает в таких случаях!

Александр посмотрел в глаза Ирине, она говорила серьёзно. И тут ему стало не по себе: «Эта девушка станет моей

женой!» – подумал он. – «Я нашёл её. Так чего же я волнуюсь? Я боюсь ошибиться?»

Но это же случится не сейчас, не завтра. У нас ещё будет время проверить друг друга.»

Он взял её за руку и они пошли по Тверской, мимо больших витрин магазинов, мимо банков, кафе и красного здания Моссовета.

– Сегодня в «Манеже» новая фотовыставка, – Виноградов не отпуская руку девушки. – Я предлагаю её посмотреть. Да, кстати, как ты сдала гистологию?

– У нас был дифференцированный зачёт и мне поставили пять баллов, а на выставку я пойду, так как мне очень нравятся хорошие фотографии.

– Ты у меня просто молодец! – Александр улыбнулся и слегка чмокнул Ирину в щёку.

На остановке они сели в троллейбус и доехали до проспекта Маркса. Немного пройдя, они увидели новое здание «Манежа.» Очередь у кассы была небольшая и довольно скоро они вошли в зал. Здесь были выставлены работы российских и зарубежных мастеров. Фотографии были различной крупности и разнообразной тематики. Вот серия снимков военных лет: на фотографиях фронт, бой, смерть и радость Победы. Виноградов всегда преклонялся перед мужеством военных корреспондентов, снимавших в самом пекле боя, на самых опасных участках фронта.

Они стояли в полный рост, снимая под огнём наших сол-

дат в окопах. Отступая вместе с войсками в тяжёлые дни войны, они вместе с наступающей армией в мае сорок пятого года пришли к стенам Рейхстага. Военные корреспонденты снимали и Парад Победы в 1945 году в Москве, и выброс вражеских знамён, и маршала Жукова на белом коне. Впечатление было незабываемым.

Следующий стенд выставки был посвящён детским фотографиям. Ирина засмеялась, прикрывая ладошкой рот. На большом, цветном снимке была изображена маленькая, лет пяти, девочка с белокурыми волосами. Она стояла на полянке в короткой ночной рубашонке и, смеясь, старалась натянуть её себе на ноги, очевидно, стесняясь фотографа.

– Вот такой я была в детстве, – Ирина показала на снимок. – Только я любила длинные ночные рубашки.

– Ты, вероятно, была очень забавная? – улыбнулся Александр.

– О, я покажу тебе эти снимки. Обхохочешься!

Они проходили мимо стендов с различными фотографиями: здесь были пейзажные снимки с широким разливом рек, и белое безмолвие арктических льдов, и потрескавшаяся земля южных степей. Особенно впечатляли репортажные снимки с места событий: встреча космонавта после полёта или операция на сердце в институте кардиологии. Вот снимок новорождённого малыша, а вот девочка на плечах отца, размахивает букетом цветов в колонне демонстрантов.

Виноградов подвёл Ирину к стенду портретных фотогра-

фий и она воскликнула:

– Я тоже хочу такой портрет. Цветной, красивый и на пол-стены в моей комнате. Ты мне сделаешь такой портрет, Саша?

– Если ты хочешь, то конечно сделаю. Вот только технически это довольно сложно.

– Но ты же мастер делать фотографии, – просительно заговорила Ирина, и во ВГИКе вас обучают комбинированным съёмкам.

– А ты это откуда знаешь? – удивился Александр.

– А я в справочнике прочитала.

Виноградов удивлённо взглянул на неё.

– Это вместо того, чтобы готовиться к зачёту по гистологии, ты выискивала в справочнике данные об институте кинематографии?

– А я уже была готова к зачёту и от нечего делать...

– Да, девушка, на слове тебя не поймаешь! Придётся сделать тебе большой и красивый портрет.

Ирина подпрыгнула от радости, обхватила Виноградова за шею и чмокнула в щёку. Затем, как бы опомнившись, застенялась и, отвернувшись, стала рассматривать фотографии.

– С тобой не соскучишься! – Александр благодарно пожал руку девушки. – Каждый раз что-то новое.

Они посмотрели все фотографии, вывешенные на стендах, и неторопливо направились к выходу. На улице было холодно и сыро. Виноградов обнял Ирину и они пошли к мет-

ро. Когда они подъехали к её дому, было часов девять вечера и у подъезда сидели старушки.

– Дальше я пойду сама, – остановившись, сказала Ирина. – Там слишком любопытные бабушки.

– Ты меня стесняешься?

– Нет, просто не люблю лишних разговоров.

Александр взял её за руку и, наклонившись, поцеловал.

– Когда мы снова увидимся? – он посмотрел в глаза де-вушки.

– Всю следующую неделю я занята. Ничего не поделаешь – сессия. Ты позвони мне, как-нибудь вечером, тогда и до-говоримся.

Следующая неделя была очень тяжёлой. Виноградов каж-дый день снимал в павильоне, приходил домой уставший, на-скоро ужинал и, поцеловав дочь, ложился спать. И только в субботу вечером, освободившись после съёмок, он позвонил Ирине. Она сама подошла к телефону.

– Почему ты так долго не звонил? Я уже начала волно-ваться.

– Прости, Иришка, всю неделю были тяжёлые съёмки и я поздно возвращался домой. Звонить было просто неудобно.

– Ты мог бы позвонить со студии, обеденный перерыв ещё никто не отменял.

– Ты как всегда права, красавица. Я признаю свою вину и хотел бы договориться о встрече.

– Завтра воскресенье и я еду на дачу, – голос Ирины по-

теплел. – Если хочешь, поедем вместе. Это недалеко, по киевской дороге, станция Переделкино.

Они договорились встретиться в девять утра на Киевском вокзале, у первого вагона электрички. Настроение у Александра улучшилось и он впервые заметил, что уже всюду гудит весна, светит солнце, поют неутомимые птицы и на ветвях деревьев уже пробилась зелёная листва.

На следующий день, в девять часов он вышел на перрон Киевского вокзала и обрадовался, увидев Ирину. Она шла ему навстречу и приветливо улыбалась.

Голубые джинсы, синяя куртка и красная беретка на светлых волосах, делали её неотразимой.

– Здравствуй, Ирина!

– Привет, Саша!

Они улыбались друг другу, как старые знакомые после долгой разлуки.

– Ты сегодня так рано! Я даже не ожидал от тебя такого подвига, – Виноградов откровенно любовался девушкой.

– Мама снизошла и довезла на машине, – Ирина поправила выбившиеся из под беретки волосы. – Вот я и примчалась на пятнадцать минут раньше. Гуляла по перрону, отвечая на шутки настырных парней.

– Я их понимаю, познакомиться с такой девушкой, это многого стоит!

– Вполне возможно, – засмеялась девушка. – А что это позвякивает в твоей сумке?

– Ничего особенного: две бутылки шампанского, а Киевский торт, как видишь, я принёс в руках. Кстати название соответствует Киевскому вокзалу. Ты не находишь?

– Ну ты просто оригинал!

К перрону подошла электричка и, из открывшихся дверей, хлынула толпа людей. Виноградов инстинктивно прижал к себе Ирину, как бы оберегая её. Когда вагон освободился, они прошли внутрь и сели у окна. Через несколько минут поезд тронулся и мимо окон побежали подмосковные пейзажи, тёмные массы лесных массивов и поля, ещё сплошь покрытые снегом.

Александр обнял Ирину и она положила голову ему на плечо. Им было хорошо вдвоём, это не надо было объяснять, они это просто чувствовали.

– Как твоя сессия?

– Сдала ещё два экзамена, – Ирина улыбнулась. – И хотя я очень устала, но довольна своими результатами. Это несмотря на то, что всё приходится зубрить, так как шпаргалками пользоваться совершенно невозможно.

– Из вас хотят сделать настоящих врачей, – серьёзно сказал Виноградов, а для этого необходимы твёрдые знания.

Ирина с удивлением посмотрела на него.

– Знаешь, что нам сказал профессор на лекции?

– Нет.

– Он сказал, что мы должны уметь пользоваться книгой, так как знаний и опыта у нас ещё недостаточно.

– Хорошо сказал, – поддакнул Александр.

– А нас за эту самую книгу с экзаменов выгоняют.

– И правильно делают, – нахмурился Виноградов. – Как ты себе это представляешь? Если у тебя на операционном столе умирает больной, то ты в это время будешь искать в книге, как его лечить? То, о чём говорил ваш профессор подходит для физиков и лириков, которые постоянно что-то ищут и страдают муками творчества, а хорошему врачу такое время не дано! Его знания должны быть настолько глубокими, чтобы решение приходило чисто автоматически.

– Какой ты у меня умный! – крепче прижимаясь к Александру, сказала Ирина. – Тебя бы проректором в наш институт.

– А что, я всегда готов! У меня мама врач и любовь к медицине привита ко мне с детства.

Электричка подошла к станции Переделкино и они заторопились к выходу.

Виноградов взял тяжёлую сумку Ирины, прихватил свою и, когда поезд остановился, они вышли на перрон.

Чистый, целебный воздух, настоящий запах хвои, ворвался в лёгкие.

Александр застыл и дышал полной грудью, широко раздувая ноздри.

– Прямо не воздух, а бальзам какой-то! Так бы стоял всю жизнь и дышал.

Теперь я понимаю, отчего горцы живут так долго: это всё

чистый воздух, здоровое питание и спокойные нервы.

– Ладно, горный мечтатель, кончай фантазировать, – улыбнулась Ирина. Нас уже ждут.

У Виноградова вытянулось лицо, он был недоволен и огорчён.

– А я думал, что на даче никого кроме нас не будет и ты, как радушная хозяйка, будешь за мной ухаживать.

– Может быть тебе сразу выложить ключи от квартиры, где деньги лежат? словами известного литературного героя, осведомилась Ирина.

– Ну зачем ты так? – примиряющее забормотал Александр. – И кто нас там ждет?

– Придём, увидишь.

Они шли по тропинке, окружённой высокими соснами, верхушки которых раскачивались в такт ветру. Вдалеке, за полем, виднелась тёмная полоса леса, а справа, вдоль тропинки, протекала небольшая речушка, набиравшая силу весной, после таяния снега.

За поворотом открылся дачный посёлок, где современные коттеджи соседствовали с деревянными домиками, вокруг которых росли фруктовые деревья.

Они подошли к дому, окружённому металлическим забором, сквозь прутья которого пробивались ветки с зелёными листьями.

– Вот мы и пришли, – бодро сказала Ирина.

Она привычным жестом распахнула калитку и тотчас ей

навстречу бросился громадный пёс.

«Какой замечательный дог» – подумал Виноградов, оставившись у калитки.

– Джек, славный мой, ты что соскучился, давно не видел свою хозяйку? Ирина гладила пса по голове, ласково трепала за шею, а он, весь переполненный радостью от встречи, высоко прыгал на задних лапах, повизгивал и старался лизнуть её в лицо.

– Я предчувствовал, что меня ожидает сюрприз, – сказал Александр, осторожно проходя в калитку и боязливо поглядывая на огромного пса.

– Не бойся, Саша, – успокоила Ирина, – Джек у нас ласковый, домашний пёс он своих не трогает.

– Ещё не известно, признает ли он меня за своего, – Александр старался держаться подальше.

Так они и прошествовали к дому: впереди бежал пёс, поминутно оглядываясь на хозяйку, за ним шла Ирина, а замыкал шествие, согнувшись под тяжестью сумок, Виноградов. У крыльца, ведущего в дом, стояла полная женщина лет сорока пяти.

– А мы вас ждём с раннего утра, – приветливо улыбаясь, сказала она. – Я уже и стол накрыла, отец фирменное вино выставил, а вас всё нет.

– Могу же я хоть в воскресный день отоспаться, – капризно заявила Ирина. Но сейчас не об этом речь, вот знакомься, это Саша.

Она отступила в сторону, пропуская его вперёд, а Виноградов, немного смутившись, поставил сумки на землю.

– Мария Петровна, – представилась полная дама. – Да что ж мы всё на пороге, проходите в дом.

Они зашли в большую, светлую комнату. Навстречу поднялся высокий, сухопарый мужчина и, подав руку, назвал себя.

– Василий Иванович, очень рад. Ирина нам много о вас рассказывала.

Он пригласил всех к столу и посоветовал Саше чувствовать себя как дома.

Когда помыв с дороги руки все, наконец-то, уселись, к столу, тревожно вращая глазами, подошёл Джек и положил свою большую голову на белоснежную скатерть.

– Нельзя, Джек, пошёл! – возмутилась Ирина. – Тоже мне моду взял, как все за стол, так он тут как тут.

Пёс, смертельно обидевшись, отошёл от стола и забился в дальний угол изредка поглядывая печальными глазами.

– Дорогие друзья, пришла пора наполнить бокалы, – сказал Василий Иванович, взял бутылку со стола и привычным движением начал открывать её.

– Все, кто не застраховал свою жизнь – немедленно под стол, – натянуто засмеялась Ирина.

– Вечно ты преувеличиваешь, – боязливо поглядывая на бутылку, проговорила Мария Петровна.

Наконец процедура успешно завершилась и мощная струя

шампанского ударила вверх. Все сразу же оживились, заулыбались и быстро наполнили бокалы.

– Дорогие мои, – Василий Иванович поднялся и торжественно провозгласил:

– Мы собрались здесь, чтобы познакомиться с вами Александр, а заодно поздравить Ирину с успешным завершением сессии. Я желаю вам всего доброго!

Будьте счастливы!

– Спасибо, папка, – Ирина приподнялась и чмокнула отца в щеку.

Когда был выпит первый бокал и за столом все принялись за еду, Виноградов с иронией подумал о том, что сегодняшняя встреча очень похожа на стародавние смотрины. Обидно конечно, он хотел провести весь день с Ириной, а знакомство с родителями и застолье не входили в его планы. Возможно эту встречу подстроила Ирина или вся эта идиллия была задумана её родителями.

Во всяком случае, это когда-нибудь должно было случиться.

Виноградов с удовольствием ел всё, что ему предлагала Ирина, изредка запивал шампанским и вопросительно поглядывал на её родителей. А они, раскрасневшиеся, обрадованные семейным застольем, то наливали полные бокалы, то подкладывали в тарелки всё новые угощения. И даже всеобщий любимец Джек был прощён и получил солидный кусок мяса.

– Какие у вас планы на будущее? – спросил у Виноградова Василий Иванович.

– Планы совершенно конкретные: прежде всего закончить институт, ведь я только на третьем курсе и работа, конечно.

– И что за работа?

Я руковожу фотостудией у Белорусского вокзала, знакомлю ребят с основами фотографии.

– А занятиям в институте это не мешает? – заинтересованно спросила Мария Петровна.

– Я работаю по субботам и воскресеньям, в свободное от занятий время. Стараюсь познакомить ребят с аппаратурой и оптикой, учу основам композиции, пытаюсь привить понимание света и тени.

– Но ведь это же дети и с ними не просто? – поинтересовался Василий Иванович.

– Да, хулиганят они изрядно, мне приходится иногда повышать голос, но в то же время они мне помогают.

– Это когда же?

– Они часто вместе со мной едут на натурные съёмки. Их интересует абсолютно всё, что происходит на съёмочной площадке, а ребята из старшей группы помогают в установке тяжёлой аппаратуры.

В беседе наступил перерыв и Мария Петровна вместе с дочерью стали убирать со стола. Александр хотел было помочь, но Ирина попросила его не мешать. Сквозь небольшие окна, украшенные белыми занавесками, в комнату во-

рвались солнечные лучи и всё сразу же преобразилось: на стены лёг солнечный узор, старый сервант заиграл тёмной краской добротного дерева, широкая кровать с тёмно-розовым покрывалом стала как бы значительно больше, а здоровенный Джек, вдруг ужасно разволновался, вскочил на ноги и громко залаял.

– Ну вот, выглянуло солнце и нашу собачку на прогулку потянуло, – сказал Василий Иванович, ласково поглаживая пса.

– А вот сейчас попью чай с тортом и Саша с Ириной пойдут гулять, а заодно и Джека прихватят, – Мария Петровна говорила ненавязчиво, но её слова звучали как приказ.

Опять все уселись за круглый стол и, положив себе на блюдца куски шоколадного торта, принялись чинно пить чай. Виноградов изредка посматривал на Ирину и, поймав встречный ласковый взгляд, счастливо улыбался. День был замечательный и настроение было хорошее.

Надев куртки и взяв поводок, Александр и Ирина вышли из дома. Джек, как привязанный, бежал сзади. На улице набирала силу ранняя весна, яркие лучи солнца пробивались сквозь облака, из подтаявшего снега вытекали маленькие ручейки, которые вливались в большие, тёмные лужи.

Виноградов взял Ирину за руку и повёл её по тропинке в сторону леса, а громадный пёс, сначала немного отстал, справляя свои дела, а затем рывком вырвался вперёд. В конце улицы, преграждая дорогу к лесу, разлилась не лужа, а

почти что озеро. Джек, увязая по брюхо в воде, проскочил её и остановился, поджидая хозяев, а они, боясь промочить ноги, ходили вокруг, стараясь найти хоть какой-то брод. Ирина была огорчена и Виноградов, извинившись, постучался в ближайший дом. Он вышел оттуда через несколько минут, одетый в высокие рыбацкие сапоги и, подхватив Ирину на руки, широкими шагами пересёк лужу. Поставив девушку на землю, он заглянул в её глаза и спросил:

– Ну ты как?

– Я в полном порядке! – на одном дыхании сказала Ирина, – А ты просто герой! – Она смотрела на него с восхищением и её глаза светились радостью.

– Я сейчас, – смущённо забормотал Виноградов. – Только сапоги отдам.

Но бежать назад через лужу ему не пришлось. Хозяин дома, издали наблюдавший за ними, уже шёл навстречу, поднимая фонтаны воды ногами, на которые были одеты ещё более высокие сапоги.

– Спасибо вам, – Виноградов приветливо улыбнулся. – Вы нас очень выручили, иначе пришлось бы вплавь добираться.

– Э-э, не за что, да разве это вода! – отмахнулся мужчина. – Ты приходи ко мне на зорьке, сходим на озеро, порыбачим, а то я всё сию дома один, даже и поговорить-то не с кем.

Отойдя от приветливого соседа и окликнув Джека, они пошли в лес. Могучие, древние деревья окружили их. Тол-

стый слой прошлогодних листьев пружинил под ногами, вокруг слышался треск длинных веток, а солнечный луч, затерявшийся в бесконечном лабиринте деревьев, постепенно тускнел и терял силу. Стало намного темней. Ирина прижалась к Александру, как бы ища у него защиты и он, обняв её за плечи, осторожно повёл вперёд, тщательно высматривая проходы между кустами. Они подошли к высокой сосне, верхушка которой терялась где-то вверху, а толстая, потрескавшаяся кора напоминала высохшую почву в пустыне.

Ирина повернулась спиной к дереву, посмотрела Виноградову в лицо и, подняв руки, обняла его, а он, прижав к себе податливое тело девушки, нашёл её теплые, мягкие губы и стал целовать их нежно и ласково, стараясь передать ей свою любовь и нежность. Так они стояли довольно долго, потеряв ощущение времени и наслаждаясь близостью, возникшей так внезапно.

– Ты меня любишь? – спросила Ирина, заглядывая ему в глаза.

– А ты?

– Я первая спросила.

– Люблю, так мне кажется, – Виноградов поглаживал рукой её мягкие волосы.

– А почему тебе должно казаться?

– Я очень хочу, чтобы у нас всё было хорошо, чтобы мы всегда были вместе и любили друг друга, – он слегка поцеловал её в губы.

– А о плохом мне думать не хочется.

Джек подбежал к ним и уткнулся головой в колени Ирины, как бы требуя идти дальше. Они пошли по просеке, вышли на опушку леса и увидели такую красоту, что просто дух захватило. По всему полю перед ними, сквозь слой потемневшего снега пробивались тонкие, зелёные стебельки озимых хлебов. Вдалеке, позванивая колокольчиками, двигалось небольшое стадо коров, подгоняемое мальчишкой-пастухом. Он шёл позади стада, закинув кнут на плечо и по его уверенной походке, по взгляду, которым он смотрел на коров, можно было понять, что дело он своё знает.

– Джек, домой! – громко крикнула Ирина и умный пёс послушно побежал по знакомой тропинке. – Нет, нет, там лужа, пойдём в обход, вдоль поля.

Когда они подходили к дому, короткий весенний день уже пошёл на убыль и заходящее солнце окрасило облака в оранжевый цвет. Родители Ирины уже собрались в дорогу и поджидали их.

– Доченька, мы сейчас поедem в город – дел дома много, – сказала Мария Петровна. – А вы уж тут не задерживайтесь, отдохните немного и к ужину возвращайтесь в Москву.

– Хорошо, мама, – послушно ответила Ирина.

– И собаку, перед поездкой накорми, пожалуйста, – попросил Василий Иванович.

– Я всё сделаю, папа.

Ирина проводила родителей и, придерживая Джека, за-

крыла калитку. Они с Александром вошли в дом, в прихожей сняли куртки и прошли в комнату. Ирина включила магнитофон, зазвучала спокойная, негромкая музыка.

– Здесь на даче у тебя телевизор, магнитофон и плеер, а в Москве тоже аппаратура есть? – заинтересованно спросил Виноградов.

– У меня в Москве всё есть! – бодро ответила девушка, усаживаясь рядом с ним. – Любая машинка, издающая звуки – это моя слабость. Родители учли пожелание любимой дочери и купили мне цветной телевизор, приёмник, стерео-проигрыватель и магнитофон. Так что я слушаю музыку с утра до вечера, что, к сожалению, огорчает наших соседей.

– Какая ты смешная, – улыбнулся Виноградов, – и такая славная. Я просто счастлив, что встретил тебя.

Он прижал Ирину к себе, нежно поцеловал в губы, а правой рукой уже расстёгивал пуговицы на её кофточке.

– Нет, нет! – рванулась от него Ирина. – Я боюсь и это всё бог знает чем может кончиться.

– Но ведь мы любим друг друга и, рано или поздно, мы должны стать близки! Я очень этого хочу!

Ирина испуганно смотрела на него, судорожно вцепившись в кофточку. Виноградов подошёл к ней и осторожно погладил шелковистые волосы. Он почувствовал как девушка дрожит и попытался успокоить её. Он гладил и ласкал её как ребёнка, слегка поцеловал в ушко, а затем в носик. Ирина, наконец-то, улыбнулась, но смотрела всё ещё испуганно.

В комнате стало совсем темно и только за окнами серел уходящий день.

Саша поднял девушку на руки и понёс к кровати. Он помог ей раздеться, затем быстро и дрожа от нетерпения разделся сам и накрыл Ирину одеялом. Губы у ней были мягкие и податливые, а сама она очень горячая.

Им казалось, что эта любовная идиллия будет длиться бесконечно, но уже через несколько часов, убрав постель и взяв Джека на поводок, они отправились на станцию. Был поздний вечер, на открытой платформе дул холодный, пронизывающий ветер. Виноградов обнял Ирину, а она доверчиво прижалась к нему, стараясь согреться. Джек, как воспитанный пёс, смиренно сидел рядом.

Тусклый, одинокий фонарь с трудом освещал тёмный перрон. Ветер свистел ветвями деревьев, пригибая их к земле, а вдалеке слышался перестук вагонов.

– Ирина, ты не забыла, где у тебя хранится паспорт? – прижимая к себе девушку, спросил Виноградов.

– В верхнем ящике письменного стола.

– Так вот, я предлагаю, завтра после занятий, в четыре часа, мы встретимся у метро «Савёловское». – Александр говорил уверенно, стараясь не останавливаться. – Там поблизости находится Дворец Бракосочетаний, куда мы и подадим наше заявление.

Ирина посмотрела на него счастливыми глазами и тихонько засмеялась:

– Ты знаешь, я так счастлива, но меня мама убьёт!

– О, этот вечный сюжет Монтеки и Капулетти! Но нет, нам придётся изменить печальный ход событий. Теперь я, как мужчина, отвечаю за тебя и беру твою судьбу в свои руки.

Александр прижал правую руку к своему сердцу и торжественно произнёс:

– Дорогая Ирина, я предлагаю вам свою руку и сердце! Согласны ли вы стать моей женой? – он просительно посмотрел на девушку.

– Я согласна, мой рыцарь! Но вы должны честно исполнять свой долг, заботиться обо мне, приносить в дом одежду и пищу, не обращать внимания на других женщин, так как я ужасно ревнива, – уже смеясь закончила девушка.

– Да будет так! – воскликнул Александр и, обхватив Ирину за талию, закружил её по платформе.

Бедный Джек, которого безжалостно таскали на привязи, оглушительно залаял. Ирина ласково потрепала собаку по голове и в это время вдали показался мерцающий огонёк электрички.

Когда они приехали на Киевский вокзал, Виноградов договорился с водителем такси и усадил в машину Ирину с собакой, а сам на метро отправился домой. Он был весь переполнен радостью и казалось, что уснуть ему сегодня не удастся. Но едва переступив порог квартиры и наскоро умывшись, он дошёл до кровати, рухнул и мгновенно заснул.

На следующий день, проснувшись в восемь утра и, увидев за окном голубое небо, Александр бодро вскочил с постели. Он распахнул шторы и открыл окно.

Весна только началась, но солнечные лучи заливали всё вокруг ярким, тёплым светом. Снег уже растаял и только с крыш оживлённо капала капель. Весело щебетали птицы, а прохожие, расстегнув куртки, спешили по делам, как бы не замечая изменений погоды.

Набросив спортивный костюм, Саша занялся утренней гимнастикой. Он размял руки, плечи, корпус, а затем взялся за гантели. Почувствовав в руках их тяжесть, он проделал полный комплекс силовых упражнений, затем принял душ и уже одеваясь, вспомнил о том, какой у него сегодня ответственный день.

Весёлая, буйная юность уходила в прошлое, уступая место мужской зрелости.

Предложение, которое вчера Виноградов сделал Ирине, было не шуткой, а тщательно продуманным шагом. Он давно уже жил самостоятельно и привык отвечать за свои поступки.

Проблемы, которые возникали за эти годы были не то, чтобы сложными, но скорее необычными для молодого человека. Так Александр убедился в том, что мытьё посуды после еды является неприятным, но необходимым делом, ему также стало известно, что стирка белья, без стиральной машины, наводит на грустные мысли, а пришивание пуговиц к

верхней одежде может серьезно испортить настроение.

Тем не менее, освоив премудрости быта и научившись готовить еду, Виноградов стал совершенно самостоятельным человеком, а встретив Ирину, он понял, что созрел для семейной жизни. Над будущей семьей не висел дамоклов меч разлада из-за бытовых вопросов, так как Александр был готов во всём помогать жене.

Стоя перед зеркалом и завязывая галстук поверх белоснежной рубашки, Виноградов думал о предстоящей церемонии в ЗАГСе и непроизвольно улыбался. Он нравился себе сейчас: такой молодой, красивый, здоровый и чувство гордости за то, что его полюбила такая славная девушка как Ирина, переполняло его.

Решив сперва заехать в институт, чтобы узнать результаты съёмок курсовой работы, Виноградов вышел из дома. Яркое, весеннее солнце, пробиваясь между облаками, слепило глаза и он надел тёмные очки в тонкой, металлической оправе. Эти очки были его гордостью, так как их подарил профессор Белгородов за лучшую съёмку этюда освещения. Среди студентов ходили слухи о том что профессор снимал все свои фильмы именно в этих очках и тем почётней был этот подарок.

Уже через полчаса Виноградов был в институте. Он подошёл к творческой мастерской и осторожно приоткрыл дверь. В полутьме аудитории светлым пятном маячил киноэкран, напротив которого был установлен проектор. Профессор

Белгородов громко и язвительно комментировал изображение:

– Нет, вы только посмотрите на это лицо, это же просто размытое пятно, а не лицо красивой актрисы. А что это за фон, это же тёмный лес, а не городской пейзаж! Нет, дорогие мои, так снимать нельзя! Язык на экран не повесишь и зрителю ничего не объяснишь! Изображение должно быть чётким, ясным и красивым! Этому я и пытаюсь вас научить!

– Витольд Константинович, разрешите войти, – робко спросил Александр.

Профессор, резко повернувшись от экрана, с удивлением взглянул на него.

– Виноградов, я не верю своим глазам, неужели вы опоздали на лекцию? – Белгородов решительно поднялся. – Друзья, я не понимаю, что происходит? Если уж староста группы опаздывает на занятия по мастерству, то что остаётся делать остальным студентам? – с пафосом спросил профессор и сам же себе и ответил. – А им ничего другого не остаётся, как вообще не ходить на лекции. Неужели вы не понимаете, что операторское мастерство является самым важным профилирующим предметом и пропуск даже одного занятия лишает вас огромного количества знаний.

Мне, старому и опытному киношному волку становится страшно при мысли о том, что, работая на студии, вы можете обнаружить свою профессиональную непригодность. Мне бы этого не хотелось!

Немного успокоившись, Белгородов вернулся к своему креслу.

Надо заметить, что профессор был чрезвычайно требователен, он фанатически любил свой предмет и всячески старался подчеркнуть его приоритет в программе обучения. Студенты уже привыкли к этому и только напоминание о профнепригодности – этого бича всех творческих работников, заставлял их более усердно заниматься.

– Витольд Константинович, – немного приободрившись перед грозным профессором, проговорил Виноградов, – у меня уважительная причина для опоздания.

– Какая же? – с интересом спросил Белгородов.

– Я сегодня женюсь!

– Поздравляю, возможно после этого события вы станете немного серьезнее.

– Остальные студенты не просто гуляют, а снимают в павильоне и на натуре.

– Кто конкретно?

– Володя Елизаров и Игорь Панюшкин в павильоне, а Маша Борисова и Булат Насрединов на натуре, – Виноградов заговорил уверенно. – Двое студентов больны, остальные присутствуют на лекции.

– Вы всегда находите оправдание дисциплинарной разболтанности, – примирительно пробурчал Белгородов. – Продолжая наш разговор, мы можем обсудить работу кинооператора Сергея Урусевского в классическом фильме «Ле-

тят журавли».

В затемнённой аудитории сохранялась деловая обстановка: студенты с интересом смотрели кадры известного фильма, а профессор уверенно комментировал работу оператора и съёмочной группы. Александр уже видел отрывки из этого фильма, запомнил технику операторской съёмки и мог себе позволить немного отвлечься. А думал он, конечно, об Ирине.

Зайдя после лекции в буфет и наскоро перекусив, Виноградов побежал к троллейбусной остановке. Уже подъезжая к метро, он почувствовал, что волнуется: оказывается, подавать заявление во Дворец бракосочетаний не так-то просто и это требует известной выдержки.

Ровно в четыре часа Виноградов был у «Савёловской». Ирины пока не было и он, часто поглядывая на часы, нервно мерил шагами площадку у метро.

«А если Ирина не придёт? – с ужасом подумал Александр. – Ведь её могут не отпустить родители!»

Тревожные мысли беспокоили его до тех пор, пока он не увидел, как Ирина вышла из метро.

– Привет! – он улыбнулся. – Как настроение?

– Здравствуй, Саша. Я в порядке.

– Родители не очень возмущались?

– Конечно дома начался концерт: мама побежала пить капли, а отец ужасно рассердился и заявил, что хотя бы предупредить надо было. Но я им всё объяснила и попыталась

сгладить ситуацию.

– Надеюсь, тебе это удалось? – Виноградов был взволнован.

– Ты не поверишь! Отец даже проводил меня до метро. Александр наклонился к девушке, слегка поцеловал в губы и, обняв за плечи, повёл ко Дворцу бракосочетаний. Они миновали стеклянные двери и оказались в небольшом помещении, где за столиком парень и девушка что-то сосредоточенно писали. Слева на стене висела табличка «Подача заявлений».

– Пойдём, нам туда, – Виноградов повёл за собой Ирину. Войдя в большую, светлую комнату они увидели полную, но со вкусом одетую девушку, лет двадцати.

– Здравствуйте, мы по поводу заявления, – Александр старался говорить вежливо.

– Вы первый раз? – за толстыми стёклами очков, мелькнули покрашенные глаза.

– Вроде бы да, – улынулась Ирина.

– Вот вам бланки, заполните их пожалуйста, – серьёзно сказала девушка. А паспорта у вас с собой?

– Да, конечно, – поторопился с ответом Виноградов и, открыв перед Ириной дверь, вышел вслед за ней из комнаты.

Они присели за освободившийся столик и Александр, взглянув на бланки, попросил паспорт Ирины. Раскрыв его, он увидел фотографию совсем юной девушки с, заплетёнными в косы, светлыми волосами. Место рождения – город

Москва, социальное положение – учащаяся, фамилия, имя, отчество – Пирогова Ирина Васильевна.

– Так ты утверждаешь, что замужем не была? – улыбаясь спросил Александр.

– Нет, молодой человек, как-то не пришлось, – в тон ему ответила Ирина.

Склонившись над столиком, они заполнили бланки, а затем, когда всё было готово, отнесли их работнице ЗАГСа. Она проверила бумаги, близоруко поднося их к глазам и, покопавшись в регистрационной книге, заявила, что их бракосочетание может состояться через два месяца.

– Как так через два месяца? – удивился Виноградов. – А мы рассчитывали, что через месяц.

– Ничего не поделаешь, Дворец бракосочетаний пользуется большой популярностью и у нас много желающих зарегистрироваться, – с сожалением произнесла девушка.

– Нет, нет, что вы, это невозможно, у нас особая ситуация! – отчаянно стал привирать Виноградов.

Девушка с сомнением посмотрела на фигуру Ирины, отчего та смущённо покраснела и, небрежно перелистав книгу, спросила:

– Тринадцатого мая будете регистрироваться?

Александр взглянул на Ирину, она одобрительно кивнула и он согласился.

Получив приглашение в магазин для новобрачных, они вышли из Дворца бракосочетаний. На улице расцвела весна

и по залитому солнечными лучами проспекту нёсся бесконечный поток машин. Рядом на тротуаре играли ребяташки, а девчущки постарше прыгали в классики. Повсюду раздавался детский смех, с сосулёк капала капель и громко пели птицы.

– Слушай, Иринка, – как бы между прочим, спросил Александр. – А как ты относишься к детям?

– К своим хорошо, а что ты имеешь в виду?

– Ну может родишь мне троих?

– Как, прямо сейчас, всех сразу? – Ирина смеялась, но по глазам было видно, что этот вопрос для неё серьёзный.

– Понимаешь, нас двое в семье – я и сестра Лиза, – не принимая её иронии сказал Александр. – Но мы всегда чувствовали, что нам не хватает младшего брата.

– Мои подруги своим мужикам на это говорят, если хочешь иметь много детей, то рожай их сам.

– Ну и как, ты солидарна со своими подругами? – хмурясь, спросил Виноградов.

– Сашенька, милый, ну что ты так сразу! – Ирина взяла его под руку. – Мы с тобой ещё даже не муж и жена, а ты ведёшь такие разговоры.

– Хорошо, будем считать, что этого разговора у нас не было.

Они остановили такси и поехали в магазин для новобрачных. Даже удивлённые взгляды водителя, не мешали им всю дорогу целоваться.

Месяц до свадьбы тянулся бесконечно. Несмотря на ежедневные встречи Виноградов чувствовал, что ему постоянно не хватает Ирины, её глаз, улыбки её светлых, вечно растрёпанных волос.

Они встречались обычно под вечер, то на площади Маяковского, а то и возле ВДНХ и он, издали увидев Ирину, бежал к ней и, подняв на руки, кружил без остановки, а она, смеясь, говорила ему:

– Сумасшедший, что ты делаешь, на нас же люди смотрят!

– И пускай смотрят, пусть завидуют! – Александр влюблённо смотрел на Ирину. – Если такая красивая девушка скоро станет моей женой, то я имею полное право от счастья сойти с ума.

Они были окружены любовью, но им уже не хватало мимолётных встреч, им как воздух необходимо было постоянное общение, которое могло возникнуть только после свадьбы. Родители Ирины, учитывая то, что молодые были постоянно заняты, взяли инициативу в свои руки. Сделав заказ на праздничный вечер в ресторане «Прага», они стали деловито готовиться к свадьбе.

И вот, наконец, настал этот торжественный день и «Мерседес», украшенный цветными лентами и с куклой на радиаторе, подъехал к дому. Ирина вышла в белом свадебном платье с прозрачной фатой на голове. Александр, в темно-синем выходном костюме, держал невесту под руку, а на лице его отражалась счастливая озабоченность. Позади молодых,

подстраиваясь под их шаг шествовали друзья и знакомые, а замыкали процессию принаряженные родители Ирины. Когда все расселись по машинам и свадебный кортеж, набирая скорость, понёсся в центр, все с облегчением вздохнули. Позади остались бесконечные приготовления, волнения по поводу колец и свадебного платья, заказ в ресторане праздничного стола, фото и видеосъёмки.

Смотря на Ирину одетую во всё белое с букетом цветов в руках, Виноградов с радостью подумал о том, что невеста у него самая лучшая в мире.

У Дворца бракосочетаний стояло уже несколько машин и можно было особенно не торопиться, так как по списку Александр с Ириной были шестыми. Когда они вошли во Дворец, их встретила миловидная женщина, которая развела жениха и невесту по разным комнатам. Ирина, в окружении подруг стала поправлять причёску, а в соседней комнате, перебрасываясь с друзьями едкими репликами, ходил из угла в угол Виноградов.

– Да остановись ты, хоть на секунду, – посмеиваясь, говорил Игорь Панюшкин, небольшого роста толстяк, сокурсник Виноградова по институту, – а то носишься по комнате как маятник, того и гляди собьёшь кого-нибудь.

– Ну, за тебя-то я спокоен, – усмехнулся Александр. – Чтоб Панюшкина сдвинуть с места, требуется, по крайней мере, трактор.

– Нет, я понимаю, что можно волноваться в такой ситуа-

ции, но не до такой же степени! – как всегда горячась, вступил в спор Володя Елизаров.

– Всё, всё, ребята, я спокоен как никогда! – Александр поправил галстук и выпрямился перед зеркалом.

И тут неожиданно раздался голос из динамика: – Виноградов и Пирогова пройдите к залу регистрации, следующая очередь ваша.

Александр взял Ирину под руку и уверенным шагом повёл к двери. Паспорта и обручальные кольца родители Ирины уже передали полной девушке в очках и она, проходя перед молодыми, улыбнулась им приветливой улыбкой.

Открылась дверь зала регистрации и под звуки свадебного марша Мендельсона они вошли в большую, светлую комнату. Празднично одетая женщина в красной, перекинутой через плечо ленте, встретила их приветственной речью. Традиционно спросив, хотят ли они стать мужем и женой, и убедившись в положительном ответе, она сердечно поздравила молодожёнов, пожелав им семейного счастья и большой любви на долгие годы.

Затем Александр и Ирина обменялись кольцами и расписались в книге регистраций. Виноградов заметил как дрожит её рука.

– Не надо так переживать! – убедительно сказал он.

– Но я ничего не могу поделать, меня просто трясёт!

Затем по очереди расписались свидетели и нарядная дама торжественно провозгласила:

– Поздравляю, теперь вы муж и жена!

Счастливых молодожёнов окружила толпа: Александра по очереди обнимали друзья, Ирину задарили цветами подружки, а она увидела слёзы на глазах у матери и взволнованное лицо отца.

Всю праздничную суету репортажно снимали оператор и фотограф, аппарат которого щёлкал как машина, а фото-вспышка озаряла комнату ярким светом. Виноградов под руку вывел Ирину в соседний зал, где уже были расставлены бокалы с шампанским и вазы с конфетами. Когда гости выпили за здоровье жениха и невесты, фотограф попросил всех на секунду замереть и сделал групповой снимок. На выходе из Дворца бракосочетаний Александр взял Ирину на руки и, под ликующие выкрики друзей, понёс её к машине.

Рассевшись по машинам, только ближайшие родственники и друзья отправились в ресторан «Прага», где был заказан праздничный зал. Метрдотель встретил их у входа и провёл на второй этаж.

Здесь уже были расставлены столы с закусками и бутылки с шампанским.

– Что-то я водки не вижу, – нервно потирая руки, проговорил Игорь Панюшкин.

– Спиртные напитки мы выставим перед приходом гостей, – тут же отозвался официант, обращаясь к родителям Ирины. Очевидно, распорядителей он признал именно в них.

Александр с Ириной присели в кресла отдохнуть.

– Ну как ты, моя любимая? Устала?

– Я и не думала, что это будет так утомительно, – Ирина обречённо взмахнула рукой. – Если бы завтра нам предстоял такой же день, я бы покончила жизнь самоубийством.

– Вот только без этого, пожалуйста.

Уже через час начали прибывать гости и Александр с Ириной встали у входа, чтобы принимать поздравления. Почти никто не приносил громоздких подарков, гости обходились букетами цветов и конвертом с деньгами. Только Игорь Панюшкин подарил Ирине большого плюшевого медведя, а Маша Борисова, сокурсница Виноградова, расцеловала его от избытка чувств.

Гости стали заполнять зал и занимать места за столами, уставленными блюдами с изысканными закусками и бутылками шампанского. Официанты, наконец-то, принесли водку и коньяк.

Александр и Ирина заняли места во главе стола, напротив входных дверей.

Рядом с ними сели и родственники, стоять осталась только мать Ирины, с лица которой не сходило выражение озабоченности.

– Дорогие мои, родные и друзья, – громко начала она, стараясь перекрыть шум в зале. – Мы собрались здесь, чтобы отметить радостное событие: Саша и Ирина стали мужем и женой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.